АРХИВАРИУС, или Игрушка для большой девочки

Владимир Купрашевич

18+

Владимир Ильич Купрашевич

Архивариус, или Игрушка для большой девочки. Переиздание

Серия «Против ветра», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22622121
SelfPub; 2021
ISBN 978-5-532-98757-9

Аннотация

"Архивариус, или Игрушка для большой девочки…" – роман о самоотверженной любви и эротических переживаниях молодой женщины. Книга не только развлечет читателя эротическо-детективным сюжетом. Коллизии, происходящие с героиней, знакомы многим, но то, как она их преодолевает – это настоящий образец всепобеждающего оптимизма, умения не сворачивать со своего пути и добиваться цели во имя любви.

Содержание

Книга первая. Большая игрушка 4
Конец ознакомительного фрагмента. 141

Владимир Купрашевич Архивариус, или Игрушка для большой девочки. Переиздание

Книга первая. Большая игрушка

Денек хоть и пошел вперекосяк, но был таким теплым, каким бывает ближе к экватору, а не в Петербурге. Тем более не в августе. Ксюша окинула прощальным взглядом массивные дубовые двери. Видно не судьба! Да и черт с ним, с этим институтом! К химии ее никогда и не тянуло. Можно было податься в медицинский, да коленки слабы. Ветеринаром тоже неплохо, но это даже хуже чем медицина – собак больше жаль, чем иных людей.

Ксения пошарила в кармане летней куртки, пытаясь восстановить в памяти свое материальное положение. Оказалось, еще есть возможность выбрать – купить мороженое или доехать на подземке. Совместить не удастся – проклятые монополисты, вновь подняли цены на проезд в метро. Она выбрала первое – прогуляться часок после умственного напряжения и мандража в коленях очень кстати. Ксения перешла

площадь, еще немного посомневалась, наблюдая за потоком людей ныряющих в прохладные проемы колонн, но страсть к сладкому оказалась сильнее. Хорошо успели с Евгенией договориться о встрече, а то пришлось бы и мороженым пожертвовать ради телефонного звонка. Женька уже сдала все экзамены и, вероятнее всего, в институт пролезет. Умная и шустрая, всего на пару лет старше Ксении – ей такие барьеры пустяк. Ну, может быть не такая уж умная, но шустрая определенно, остановить ее в каких-то стремлениях к намеченной цели практически невозможно. Не попав в нужное пространство видимым путем, она опробует массу неожиданных и даже немыслимых троп. В конце концов, возьмет измором. Ее успехи во вступительной компании объясняются, прежде всего, совершенно фантастическими льготами. Когда оказалось, что придуманные ею лазейки от экзаменов не освобождают, тут же выяснилось что она племянница депутата госдумы курирующего систему образования (родственницей которого она стала за неделю до экзаменов). Чиновнику устроить новоявленную родственницу не составило труда достаточно было в разговоре с ректором института как бы случайно, обронить ее фамилию. Высшая школа нынче как никогда нуждается в деньгах, а получить их из бюджета без протекции дело безнадежное.

Познакомилась она с Женей на подготовительных курсах. Ксения в тот период искала угол, где можно было бы приткнуться до предоставления места в общежитии. Новоявлен-

ная подруга взяла ее к себе, пока мамаша была в командировке. Потом пробили общагу, раньше, чем документы Ксении приняли в комиссии…

«Сожительство» с Женькой, скорее всего, пошло во вред, потому что у той постоянно рождались идеи не совместимые с учебной программой и половина времени отведенного на подготовку прошла в развлечениях. Так что провал на иностранном был логичным итогом.

Несмотря на все еще жаркую погоду столпотворения у лотков с мороженным не было. Ксения приценилась и поняла, что соблазнительный деликатес придется отложить – остатков от ее финансового благополучия не хватало даже на самый скромный вафельный стаканчик. Поминая недобрым словом рыночников, она перешла на ту сторону проспекта, где уже отчетливо обозначилась полоса тени, и продолжила путь. Возвращаться к станции метро не хотелось, да и температура уже становилась приемлемой – вечерами в августе жара спадает быстро.

В комнате общежития, где Ксения прописалась, никого не было. Времени уже около шестнадцати –должна была прийти Женька… Не дождалась или вовсе не появлялась? Заглянувшая на минуту смуглая азиатка Роза, кровать которой стояла через тумбочку от кровати Ксении, на вопрос, была ли Женя, отрицательно помотала головой. Ну понятно – где-то шляется. Наверное, опять у своего депутата. Что-то долго она с ним рассчитывается, да и тот подзастрял в Питере,

пора бы ему возвращаться в столицу – законодатель хренов! Ксения швырнула сумку на кровать, уселась на стул, протянула ноги и только тогда почувствовала, что часовой переход утомил ее. Ксюша перевалилась на кровать прямо поверх покрывала. Глаза закрылись сами собой, и она погрузилась в волны легкого забвения, к которым вдруг стали примешиваться ощущения от прикосновения чьих то рук, которые скользили по ее разгоряченному телу, касались груди, живота, бедер… Прикосновения были мягкими, почти неосязаемыми, но захлестывали восторгом, вызывали дрожь в молодом сильном теле. В легком тумане прояснилась, наконец, и фигура ангела проделывавшего с нею умопомрачительные чудеса. Чувственные мягкие губы, серые горящие глаза на загорелой, дубленой коже, шевелюра буйных седых волос… Она только что рассталась с ним, этим, скорее дьяволом, чем ангелом. Это он следил за ней недремлющим оком, когда она готовилась к ответу. Это он своим пристальным вниманием вносил смуту в ее мысли, и без того хаотичные и погубил на корню ее так и не начавшуюся карьеру химика. Это он, профессор Иванов – насмешник и женоненавистник… но какие у него божественные руки, губы, они растворяют ее, трепещущую, еще живую в каком – то прозрачном сосуде с волшебным раствором страсти. Губы и руки его становятся все настойчивее … Она проснулась в последних судорогах тела от собственного стона бессмысленным взглядом проследила, как потолок выплывает и выравнивается. Еще с минуту

она сжимала бедрами руку, каким-то образом попавшую в колготки… Голос Женьки с площадки погасил на ее лице блаженную улыбку и поднял с постели. Какая все-таки благодать этим мужикам! Чуть что где– то зашевелилось, только свистни. Да и самообслуживание у них без проблем, все под рукой…

Женя, остановившись в дверях, уставилась на нее с удивлением.

– Тебя будто только что оттрахали, – мимоходом определила многоопытная подруга.

Ксения кивнула.

–Мой экзаменатор по английскому…

Женька неопределенно хмыкнула, сняла сумку, которая болталась у нее на плече и села в кресло. Ксения протерла глаза, подошла к окну и выглянула наружу. Уже темнело, хотя солнце еще не село – небо светлое, со стороны запада чуть розоватое. Деловито позванивали трамваи. Улица была еще многолюдна.

– Ты что, завалила?! – дошло, наконец, до Евгении.

– Скорее всего, да.

Ксюша вернулась к кровати. Сетка качнулась с шорохом и позвоном: вниз – вверх-вниз.

– Откуда у вас такая допотопность? – невольно отвлеклась Женька.

– Школа бедная. А мне нравится. Я люблю все старинное.

– Здесь не мешало бы сделать евроремонт.– оглядывая

комнату хмыкнула Женька. -

– Ну да, евростандарт, – усмехнулась Ксения.

– Ну да, нам стандарты не по душе, а в институт, вслед за стадом, это как?

Ксюша вздохнула.

– А я и не жалею, что провалила. Поступала то, не знаю зачем…

– Глупости, – оборвала подруга. – Я поговорю с пончиком, если он не смотал в свою резиденцию. Туда не достучаться. Не депутат, а тайный агент. Если кто и отзовется, плетут ни весть что. Начинаешь думать, что у тебя что-то с головой или набрал психушку. Я, конечно, дурака сваляла. Надо было сразу твою фамилию внести в счет. А когда эти козлы отвалятся, с них уже ничего не возьмешь…

– Не надо, – остановила ее Ксюша. – Не хочу учиться….

Женька поймала сумку за ремешок и, принявшись копаться в ней в поисках сигарет, добавила, известное из школьной программы :

– А хочу жениться…? Ладно, как ни-будь, определимся. Хочешь? – она протянула Ксении курево, но та отрицательно мотнула головой.

– Ну, тогда другой вариант, – Женька выставила на тумбочку, из той же сумы, бутылку водки.

Ксения округлила глаза.

– Что это?

– Шампанское. Пончик купил, обмывать студенческий,

правда, сам куда-то потерялся, на радость. Ну, я и обменяла ее на Столичную. Не люблю шампанское. От него голова болит. Хотя там вроде и болеть то нечему…Закусь, то какая-нибудь есть?

– Не поняла! – еще больше удивилась Ксения. – Ты что, уже зачислена?! Еще экзамены не кончились…

Женя показала из сумки уголок синенькой корочки и тут же сунула его обратно.

– Ну ты даешь! – ахнула Ксюша.

– Естественно…Цели надо добиваться всеми местами, - назидательно добавила та.

– А что без радости то?

– Так чему радоваться? Все равно, что тебе вручили лопату, которой надо рыть канаву. Размером в пять лет. И рыть-то еще зачем, непонятно. Так что неизвестно, кому повезло…Ну так найдется у вас что-нибудь?

– Надо спросить у Розы. Она тут как раз кашеварит.

– Роза! – рявкнула Женя, не дожидаясь ее случайного появления.

Раскосая красавица явилась немедленно. У нее оказались даже соленые огурчики с жареным картофелем. Нашлись и три стакана. Расположились вокруг тумбочки.

– У вас что, в ауле, тоже картошку мнут с огурцами? – хрумкая корнишон поинтересовалась Женя.

Роза устроилась поудобнее на краю своей кровати и улыбнулась.

– Я же из северного Казахстана. Там интернационал. Я и училась в русской школе… Мне только чуть-чуть.

Женька, не слушая заявку, налила всем поровну. По полстакана.

– Выпьем и пойдем на дискотеку, – объявила она Ксении, ставя бутылку на тумбочку.

– Куда?

– В Стрельну. Там контингент подходящий, – подмигнув Розе, Женька в несколько глотков опорожнила стакан, схватила огурец и захрустела, зажмурившись то ли от отвращения, то ли от удовольствия.

– Я не против, только с финансами туго. Ноль, – вздохнула Ксения. – Звонила вчера весь день мамаше, но та разве дома сидит?! Черти где-то носят. Может у соседки зависнуть или податься, к подругам…. А может в санаторий укатила… Да и не только с финансами. Надо думать, как устраиваться.

Женька перестала жевать и с любопытством уставилась на нее.

– Вот эту задачу и будем решать. Или у тебя снова месячные, как в прошлый раз, на Нарвской?

Ксения рассмеялась, но уверенно кивнула головой.

– Снова.

Пока Женька ковыряла в сковороде вилкой, Ксения выпила водку, долго таращила глаза пытаясь восстановить дыхание, судорожно пошарила рукой по тумбочке, схватила кусок хлеба и забила его в рот.

Евгения, оставив сковороду, откинулась к спинке кресла.

– Послушай, я что-то не пойму. Ты что, девственница?! – понаблюдав за конвульсиями подруги изумилась она собственному предположению.

Ксения, рот которой был занят, замахала рукой.

– Какого же черта ты ломаешься? Если есть возможность совместить приятное с полезным…

– Ага, – с трудом выдавила Ксения. Заслезившиеся глаза смотрели на Женьку с укором. – Потом лечись от этой приятности оставшуюся жизнь.

– Ну, – развела руками Женька, – это оправданный риск. Поймать можно и от собственного мужа… Верно?

Вопрос относился к Розе, слушавшей их диалог с раскрытым ртом.

– Может быть пойдешь с нами?

– Нет, нет, нет, – как из пулемета протараторила Роза.

– А-а, – понимающе кивнула Женька, – у тебя тоже проблемы?

– Да, – механически ответила раскосая.

Когда веселье утихло, Женька обозвала их ссыкухами и хотела, было подняться, но Ксения ее удержала.

– Ладно, пойдем, только дашь мне в долг.

– Вот это уже по– деловому, – согласилась Женя. – Не забудь свою серенькую мини-юбочку, на нее клев будет, я тебе гарантирую. Мелочь всякую отсекаем, правда крупняк там бывает редко. Но что-нибудь средненькое… Там ведь погу-

ливает и выпускной курс, может, и захомутаем кого…

– А куда это мы?! – насторожилась Ксения.

– К морячкам, – подмигнула Женя.

Так паршиво Ксения никогда себя не чувствовала. Еще на рассвете она долго вглядывалась в потолок и не могла сориентироваться, хотя бы по месту. Приподняла голову – слава богу, в общежитии. Ощупала кровать. Своя. Снова провалилась в бессознательное состояние, как показалось на мгновение, и тотчас кто-то энергично потряс ее за плечо. Женька. Ксения с трудом заползла на подушку и уставилась на подругу. Та, словно огурчик.

Нахохотавшись вдоволь над Ксенией и убедившись, что в ее сознании не найти и проблеска от ночных впечатлений, она рассказала, как они на дискотеке, в буфете, еще добавили, как к Ксении «подъехал» курсант, завтрашний выпускник, а та, отплясав с ним пару танцев, вдруг «присосалась» к контролеру – бывшему профессору. Он подрабатывает там вдвоем с женой. Хорошо бабка быстро сориентировалась и утащила своего кобеля. А то тот уже принялся было читать ей какую-то лекцию по искусству, уж она не знает по какому, но уж вряд ли по сексуальному, хотя глазенки у него так и светились. И кто бы мог подумать! Ведь давно уже на пенсии. Не преподает, правда, оттого, что институт прикрыли. У него, как будто, и ученая степень есть, но за нее никаких надбавок не дают, если собираешь плату у туалета. Вот и продает билеты на дискотеку, на пару со своей старухой…Он

кассир, она билетер. Зарплата одна на двоих, но хоть старый хрыч под присмотром. И то, чуть молоденькая сучка не увела. Морячок, к счастью, не обратил внимания на выкрутасы Ксении – после дискотеки поймал такси, проводил их до общежития. Обещал на другой день навестить будущую супругу.

– Кого?! – не поняла Ксения.

– Тебя, кого же. Ты ведь обещала, что выйдешь за него замуж.

Ксения тотчас протрезвела.

– Ты что, сдурела?!

– Уж извини. Я за язык никого не тянула.

Ксения со стоном поморщилась. Голова раскалывается.

– Я тебе пивка принесла, – спохватилась подруга, вынимая из сумки бутылку «Балтики».

– Светлое. Оно полегче, – пояснила она, увидев на лице Ксении гримасу отвращения.

У порога она обернулась

– Попьешь пивка, да поспи часок, а то жених заявится, а ты…

– Да на какой черт он мне нужен?! – заканючила Ксюша.

Женька с возмущением уставилась на нее.

– Да ты что! Морской офицер – это же мечта. И замужем и обеспечена и, главное, свободна. А он, считай, уже выпускник. Ты вообще, нормальная?

Ксюша, сделала несколько глотков из горлышка бутылки,

закрыв глаза, и, не открывая их больше, сунулась лицом в подушку.

– Я для кого стараюсь?! – продолжала вещать Женька. – Я и работу тебе присмотрела в НИИ. Почти что научным сотрудником, хоть и с метлой. Пока твой кобель созревает, тебе надо на что-то жить. Там и прописка есть. Устроишься, и угол найдем. Отсюда-то тебя выставят, поживешь пока у меня. Моя старуха млеет на Черном море. Прорвалась на старости лет. Балдеет…. Может на какую шишку наскочит, да застрянет.

– Как звать кобеля– то? – с трудом выдавила Ксюша засыпая.

– Андреем.

Уже под вечер объявилась, куда-то пропавшая Роза. Наверное, забивала себе мусором голову в читальном зале.

– Тебя там какой-то…, – она поскребла пальцами по своему рукаву выше локтя.

– Курсант? – подсказала Ксения.

– Да, курсант. Ждет внизу, у решетки сада, напротив.

Ксения еще раз подошла к зеркалу. Внешность как будто бы близка к оригиналу, но «башня» от алкогольного шока так и не прояснились. Прогулка, наверное, будет кстати. Солнце уже давно на закате и на улице не должно быть жарко.

– Как он из себя? – спросила Ксюша, собирая сумку.

– Моряк, – объяснила Роза.

– Ну да, – хмыкнула Ксения. – Инкубатор.

– Да нет, симпатичный, – спохватилась Роза. – Высокий.

Ксюха фыркнула.

– Мужчина должен быть только чуть-чуть красивее обезьяны, – вспомнилось ей где-то слышанное руководство. – И ценность предмета от размера не зависит.

Вздохнув «невеста», закрыла сумочку и без всякого настроения отправилась на свидание.

Белоснежный крахмальный воротничок сорочки, черный галстук, начищенные пуговицы и ботинки. С глазомером у Розы тоже все в порядке – экземпляр действительно повыше среднего роста, подтянутый. «Ну, первый парень на деревне», – с неприязнью подумалось Ксении. Она терпеть не могла какие бы то ни было униформы, но видно такая уж судьба…Выражение на лице курсанта серьезное. Осознает собственную значимость. Еще без офицерских погон, а уже преисполнен, положенного по уставу, чувства собственного достоинства. Ксюша едва сдержалась, чтобы не сказать какую– нибудь гадость. Подойдя поближе, она заметила, что традиционных цветов в руках парня нет.

– А где же положенные цветы?-

Парень сдержанно улыбнулся.

– Цветы положены…

Только тогда Ксюша заметила гвоздички между прутьями ограды.

– Так это скорее возложены, – усмехнулась она.

Андрей тотчас же извинился, вынул их и протянул Ксении. Та с тоской посмотрела на букет и вздохнула. Прямо сюжет из фильма.

– Спасибо. Только неси сам. Не люблю ходить по улице с веником.

Андрей согласно кивнул головой.

– Можно взять вас под руку? – осторожно испросил он.

– Можно. Сам-то из какой деревни? – не сдержалась все же она.

Парень порозовел.

– Из небольшого города здесь, в области.

– Да не стесняйся, – хмыкнула Ксюша, – я сама лаптежница из тихвинского уезда, или как там сейчас называется… Как тебя угораздило попасть в мокрицы?

– Вы не любите моряков?

– Да нет, – досадуя на саму себя, проворчала Ксения, – просто после вчерашнего с головой плохо.

– У меня отец был моряком. Боцманом. А брат плавает помощником капитана на подводной лодке.

– О, да у нас родословная…– хмыкнула Ксения. – Ну, ладно, куда ты меня приглашаешь?

– В театр.

– Ну, конечно, – развела, было руками Ксения, но, спохватившись, категорично добавила:

– Только не в оперу. Мне сейчас только отходной арии и не хватает…

Школа, которую заканчивала Ксения, была из тех, которые держались под напором рыночной экономики, разрушающей отлаженную систему образования, до последнего. Потому ей удалось, кроме курса школьной программы, получить и специальность, что по замыслу неглупых людей из старшего поколения должно была дать возможность молодежи, еще не определившейся в жизненном пространстве, зарабатывать. Хотя бы на бутерброд.

Парикмахерское искусство, которому ее обучили, не нравилось Ксении, и она в голове не держала, что судьба когда-нибудь заставит ее взяться за противные ножницы, тем более что, и специализировалась она на волосах ненавистной половины человечества, мужских. Хотя половина – это преувеличение, она еще раз делилась приблизительно пополам, на тех, кого еще можно терпеть и ненавистных (с петушиными голосами).

Искать работу в центре города Ксюша и не помышляла. Здесь все было схвачено. Попробуй, оттащи от доходных кресел этих акул, выигравших в свое время в жесткой схватке, навечно пропахших тройным одеколоном или «Красной Москвой», разбавленной водой из унитаза. Они стоят у своих зеркал, белых раковин и кувшинов насмерть. С ножницами наперевес.

Ей приглянулся проспект Ветеранов. Нечто среднее между старыми кварталами и новостройками, Хотя по возрасту

этот район вроде бы недавно заселен, но уже успел приобрести черты обжитости, в некоторых скверах можно увидеть переросшие деревья, а отдельные дома, возможно, уже числились в списках подлежащих капремонту…

Здесь, как казалось Ксении, битва за кресла не должна грозить летальным исходом. Из всех осмотренных ею заведений обслуживания она остановилась на парикмахерской «Любава», которая своей витриной выходила на проспект. В оформлении фасада было что-то архаическое, и это почему-то вызывало у Ксении надежду, что учреждение муниципальное или, хотя бы, коллективного владения. В стенах школы Ксюше успели привить отвращение к капитализму.

Интуиция ее не подвела. Парикмахерская действительно оказалась муниципальной. Это было заметно (при ближайшем рассмотрении) по осыпающейся штукатурке, рассыхающимся, давно не крашенным рамам витрин…Заведующую она обнаружила в рабочем зале в строю с другими труженицами, преимущественно неопределенного возраста…

– Не справляемся, – пояснила шеф, проводив взглядом поспешно удаляющегося старичка, только что вырвавшегося из ее цепких рук. – Клиент предпочитает нас. Цены держим умеренные, да и мастера все…

Она окинула прицельным взглядом фигуру Ксении и мотнула головой в сторону коридора. Пробираясь за ней в полумраке абитуриентка попыталась расшифровать значение тени, проскользнувшей, как ей показалось по лицу заведу-

ющей. Вероятно, недовольна, что молода. Следовательно, неопытна, наверное, догадывается, что нужен угол для жилья…

– Иногородняя, – подтвердила ее догадки командующая, направляясь к огромному абсолютно пустому столу из полированного дерева. Это был не вопрос, скорее озвучивание итога наблюдений.

Наткнувшись по пути взглядом на зеркало, стоявшее посреди комнаты, тетка на минуту забылась, подсчитывая морщины на своем лице. Похоже каждая на учете. По виду до пенсии ей еще далеко, но значительно ближе, чем от того дня, когда она сама топталась по эту сторону стола. Фигура, скорее всего, давно снята с контроля. Последняя, угасающая надежда на привлекательность – лицо, нещадно обремененное косметикой…

Инвентаризация прошла, по-видимому, с удручающими результатами, потому что она, сузив глаза от неудовольствия, отвернулась от зеркала и, осев на стул, принялась рассматривать Ксению. На этот раз подетально. Ксения чуть было не предложила ей пересчитать заодно и зубы, но тетка опередила ее:

– Двадцать.

Ксюша решила, что та гадает, сколько ей лет и чуть было не кивнула головой, как внезапно возникшее подозрение изменило ход ее мыслей.

– Что, двадцать? – не веря своей догадке, спросила она.

– Рублей за смену.

Ксения хихикнула, решив, что тетя издевается, но меланхолическое выражение на оштукатуренном лице заведующей не располагало к веселью.

– Вы шутите?! – все еще с оттенком надежды ужаснулась претендентка.

– Какие уж тут шутки. Тебя же еще надо учить. А у нас ставки низкие. Жилье, наверное, нужно. Так что решай.

– Да что уж тут решать! – взвилась Ксения и бросилась к выходу. У двери остановилась и оглянулась на оставшуюся невозмутимой заведующую. – Прямо богадельня какая-то!

– Куда пойдешь то?! – усмехнулась тетка.

– Уж как-нибудь…Не пропаду. Руки, ноги есть.

– Ноги, точно, – согласилась руководительница еще раз окинув взглядом Ксюшу – А нам нужны преимущественно руки. А ноги …это там, напротив. Там новые ребята. Они берут даже безруких, лишь бы ноги подлиннее. За них и платят. Только их там часто задирать придется…

Ксения фыркнула от возмущения. Уж она как-нибудь сама решит перед кем их задирать **…**

Шефа конкурирующей фирмы, пришлось ждать. Ксюша категорически отказалась от кружки кофе предложенной засуетившимся долговязым парнем, с прилизанной прической, Заметив, как из всех щелей на нее выглядывают аналогичные физиономии, она отправилась в скверик ожидать серебристую «Хонду» под номером 666, на которой, по словам

долговязого, должен подъехать хозяин. Проходя по коридорам, Ксюша успела рассмотреть в распахнутых дверях комнат контингент женского персонала. Все одна к одной. Возрастом мало кто старше самой Ксении.

Устроившись на скамейке в тени клена, за углом здания, Ксюша окинула взглядом пустой сквер, осмотрела машины на площадке за низкой оградой и прикрыла глаза. Ночь, перед ухо дом из студенческого общежития прошла почти без сна. До трех протрепались с Розой на неожиданно заинтересовавшие обеих темы, которые раньше почему-то не всплывали, а назрели только перед расставанием. Потом вдруг обе проголодались и надумали в четвертом часу пить чай с пирожными. Заваривала, на правах профессионала Роза. И действительно, напиток получился очень крепким и ароматным, в сочетании с молоком совсем как хороший кофе. Пили с эклерами в шоколаде. Напиток и оправдал себя как кофе – оставшуюся часть ночи было не заснуть. Лишь перед утром Ксюша кое-как задремала на пару часов…Машина подкатила совсем бесшумно, и Ксюша открыла глаза когда услышала мягкий хлопок двери. Она повернула голову в сторону площадки для стоянки транспорта, где, к уже к примелькавшимся, добавилась серебристая« Хонда». Хотя машина остановилась боком к Ксении и номера не было видно, но цвет машины и неспешное перемещение вылезшего из-за руля человека убеждали, что прибыл хозяин. «Засранец»– сразу же с неприязнью подумала Ксюша, надеявшаяся что хотя бы босс

будет посолиднее возрастом. Этот, в лучшем случае, ее ровесник, если не моложе. Еще разглядывая девочек в будуарах заведения, она нутром почувствовала, что ничего хорошего ей здесь не светит, и что тетка из « Любавы» права, но зачем-то пошла… В кабинете шеф вопросительно уставился на нее, но, быстро догадавшись о цели визита, взглядом приценился к физическим достоинствам посетительницы. По тому как менялось выражение его лица становилось понятно, что он доволен результатом исследования и не сомневается, что все это будет тотчас же предложено ему. В любой позе.

–Данные у тебя вполне, – оправдал он ее подозрения и усевшись во вращающееся кресло, продолжил лапать ее блудливым взглядом.

– Я не поняла, – полезла в бутылку Ксения.– Вам нужны парикмахеры или нет? У входа объявление, что нужны.

Слова она произносила жестко, с повышенной интонацией, стараясь не задерживаться на прыщавой физиономии шефа, которая уже была ей отчаянно противна.

Парень промычал что-то нечленораздельное.

–Короче, – еще более повысив голос, наступала Ксения, хотя и без того уже было ясно, что ворота не те.

– Какие мы шустрые, – фыркнул шеф, оттолкнулся руками от стола и энергично подался задом к стене, отчего кресло перевалилось на две опоры. – Есть, конечно, вакансия…Нука расстегни кофточку, все остальное и так просматривается.

– Что же это за вакансия такая?– прошипела Ксения, даже не шевельнув пальцем.

– Обслуживание клиентов в сауне. Если по полной программе, то работа доходная.

– Здесь что, публичный дом?

– Конечно. Дом, в котором обслуживают публику и есть публичный. Твоей обязанностью будет эротическая пострижка.

Ксения от изумления не нашлась с очередной колкостью. Приняв паузу за начало делового разговора «засранец» уже с воодушевлением принялся рисовать детали рабочего процесса:

«В уютной комнатке с зеркалами, белоснежной обстановкой и мягкой мебелью Ксения, в одном накрахмаленном мини перед-ничке колдует над обомлевшим клиентом. Впечатление от созерцания обнаженной красивой женщины, от мягких прикосновений ее рук, бедер, коленей… Попка, под перехваченной бантиком тесемочкой на талии, эти ноги… Клиенту уже абсолютно все равно, что там она выделывает с его волосами на голове…»

Шеф в азарте все сильнее ерзал в кресле и Ксения, уже не вникая в его бредни, с надеждой ждала, когда он, наконец, грохнется. Одна из опор сидения слегка соскользнула по покрытию, кресло замерло, но не подвернулось. Ксюша с разочарованием перевела взгляд на лицо сексуального маньяка и заметила под его глазами «мешки», которые прояв-

лялись, когда свет от фонаря над головой падал вскользь по его безумной «фотокарточки».

–Лечиться тебе надо, – процедила Ксения, не дав несчастному кончить.

Шеф перестал раскачиваться, опустил на все четыре опоры кресло и подтянулся к столу. Физиономия его снова стала постной. Ксюша не удосужилась пояснить, что она имела в виду. Пусть думает, что хочет п…страдалец!

– Напрасно, – пробубнил он ей вслед.– Подарки судьбы надо использовать с выгодой. Такие ножки могут обеспечить безбедное существование и тебе и фирме. А щелкать ножницами это и обезьяна сможет.

В совсем уже откровенной форме предложение сработало как детонатор. Ксения, задохнувшись от возмущения, схватила первое, что подвернулось под руку – одну из пивных банок выставленных у монитора и швырнула в сутенера. Банка оказалась пустой и не долетела даже до стола. Она метнула на дельца презрительный взгляд и с чувством захлопнула за собой дверь. Она еще слышала, как работодатель кричал, что «она психопатка, что зря топорщится, оставила бы свои координаты, что он готов выгнать всех на…», но уже ничего не воспринимала. Не хватало еще, чтобы какие-то сопляки торговали ею! Уж она сама как-нибудь решит, на кого ей закидывать ноги. По собственному желанию. Когда-нибудь… И это желание никогда не будет связано с добыванием вонючих купюр. Даже если ей, чтобы не умереть с голоду, придет-

ся заколачивать костыли в шпалы железной дороги.

Женька, выслушав покаяния Ксении, с минуту хлопала на нее глазами, потом, постучав кулаком по собственному лбу, прочитала нотацию:

– Какого черта ты занялась самодеятельностью? Я в Питере со дня рождения и то думаю, прежде чем податься на поиски. Хорошо тебя еще не завербовали за бугор, концы бы в воду…Сейчас бы с голой жопой намывала вонючие ноги какому-нибудь африканцу за шкурку от банана. Я же нашла тебе работу. Чем она тебя не устраивает? Не блеск, но на первое время сойдет. Зато в старинном здании. По твоему вкусу. Жить то на что-то надо!

Ксюша, вздохнув, хотела, было, оправдаться, что привыкла полагаться на себя, но ничего не сказала, а только согласно кивнула головой. Организация, в которой Женя отыскала ей место ответственного сотрудника по управлению шваброй, представлялась Ксении научным центром в солидном здании со швейцарами. Но реальность оказалась куда более впечатляющей. По сути, это был огромный старинный, собор, с округлыми крышами, толстыми кирпичными стенами с облупившейся и продолжающей отваливаться штукатуркой. В такую богадельню опасно было даже входить, не только что работать в ней. Евгения же с восторгом оглядывала массивные стены, арочные окна с потемневшими витражами, металлическую охранную доску с позеленевшими римскими

цифрами под сенью крылечного, еще не рухнувшего навеса. В трещинах штукатурки кое-где торчали проросшие веточки кустарника… Ксюша, затаив дыхание, поднялась на крыльцо и онемевшей рукой открыла дубовую дверь, чем-то напоминавшую ту, за которую ее недавно выставили…

Инспектор отдела кадров, она же секретарь и делопроизводитель – округлая немолодая тетка с оригинальной фамилией Коклюшкина разглядывала Ксению с таким любопытством, словно та пришла устраиваться на должность первого руководителя. От нее же Ксюша узнала о своем жаловании, в мизерность которого трудно было поверить. Может быть этим и объяснялось повышенное внимание кадровички к претендентке. Узнав, что Ксюша иногородняя она понимающе кивнула головой, и интерес в ее глазах погас. Заполнив бумаги, лупоглазая тетка повела новую сотрудницу знакомить с объектами, на которых Ксении предстояло проявлять чудеса трудового героизма.

Экскурсию Коклюшкина начала с будущей резиденции «научной сотрудницы» – маленькой кладовой в середине коридора, В кладовой она пересчитала инструментарий, за который новобранке пришлось многократно расписаться в целом ворохе бумаг, и, повздыхав, что ничем больше обеспечить нет возможности, вручила Ксении солидных размеров ключ. Осмотр помещений, которые предстояло убирать Ксении, по словам кадровички много времени у них не займет.

Объекты, вопреки ожиданиям претендентки совсем не

вызвали трепета перед вечностью – обычные комнатухи со всяческой техникой от вычислительной до бытовой и не запоминающейся публикой. Коклюшкина пояснила, что, после того как здание реквизировали, половину площадей перестроили, остальную часть законсервировали. То ли думали продолжить реконструкцию, то ли еще чего…

Весь исследовательский институт, как уяснила Ксюша, состоит из трех– четырех десятков непонятно чем занимающихся людей.

Появление новой работницы никого особенно не взволновало. Лишь один – лысоватый, плотненький мужичок, выскочив из-за монитора, собрался, было принять участие в инструктаже, но Коклюшкина жестом задвинула его обратно.

Апартаменты самого директора мало чем отличались от остальных – было лишь попросторнее, оттого что он там находился один, да отсутствовали компьютеры, вместо которых за его спиной неизвестно для кого мерцал экраном небольшой цветной телевизор. Сам руководитель встретил их отсутствующим взглядом усталых глаз, что-то пробормотал, мотнув седой головой и вышел, решив, видимо, что пришли убирать. Или что пора убираться самому.

Общий результат ознакомления энтузиазма не вызывал. Впечатление создавалось такое, что уборщицы здесь не было со времен Петра Первого. Когда Ксения уже решила, что вся территория ее будущей деятельности очерчена экскурсо-

вод кивнула еще на одну дверь с едва различимой табличкой «Архив».

Ксюша, еще не заглянув внутрь почувствовала какую-то настороженность, а когда шагнула за порог дыхание ее остановилось. Ни в одном из фильмов, не видела она такой впечатляющей картины, от которой бы веяло глубиной времени, пространства, чем-то таинственным, загадочным и в то же время, словно знакомый отзвук из своей прежней жизни.

Этим придуркам – режиссерам вечно чего-нибудь не достает, чтобы создать картинку. То игра света и теней не та, то цветовая гамма не вписывается, то центральная фигура из другого сюжета… Здесь все на месте. Слева и справа под сводчатыми потолками стеллажи заполненные свитками и старинными книгами с потертыми коричневато-золотыми корешками. Дневной свет слабо пробивается из-за стеллажей и попадает лишь на часть прохода и несколько потолочных фрагментов. Проход широкий, Пол деревянный, высвечивается участками в разные тона: более выразительные, красноватые там, куда попадает свет и почти черные в остальной части. Прямо по проходу, в стене неглубокая арочная ниша. В этой оправе

не то монах, не то писарь, в черных одеждах с сумеречным непроницаемым лицом, ссутулившийся над столом из темного дерева, заваленного бумагами… Основное освещение от настольной лампы, больше похожей на лампаду падает на его лицо. Губы плотно сжаты, в руках гусиное перо…

Вероятно это и есть архивариус.

Она смотрела на него с изумлением и долго не реагировала на попытки кадровички завершить экскурсию. Обычно воображение рисует нам предстоящие картины с большими погрешностями к действительности и подсознательно, подготовив себя к определенным эмоциям, мы испытываем естественное разочарование. Здесь же ей стало казаться, что где-то она уже все это видела. впечатление не было омрачено ни единой, самой незначительной неточностью, настолько ее представление об архивариусе, как о чем-то бесконечно загадочном совпало с фигурой за массивным дубовым столом. Чаще это случается в молодости, когда иллюзии неуправляемы. Тем восхитительнее такие совпадения. С возрастом наши фантазии становятся беднее.

Ксении мучительно хотелось, чтобы он поднял на нее глаза, ей даже было немного жутковато – наверное, это будет какой-то пронзительный взгляд, и в этих зрачках можно увидеть что-то из далекого-далекого прошлого и умереть от страха…

Но он даже не шелохнулся. Ксюша хотела спросить его имя, но не решилась, хотя и напрасно – мало ли у того возникнут какие-то претензии к качеству ее работы, а как объясняться с человеком, имени которого не знаешь. Этими умозаключениями она поделилась с кадровичкой, уже за дверью. Имя архивариуса, которое та назвала, оказалось более обыденным, чем он сам,

– Михаил.

Потом добавила: -Корнилыч.

Мать Жени дала о себе знать неожиданно. Подруги рассчитывали на ее приезд как минимум через неделю, но вечерний звонок из Сочи все расстроил.

– Завтра будет здесь, – мрачно заключила Женя, бросив трубку на аппарат.

Ксения, почти безразлично кивнула, явно не вникая в тему. Вид у нее был задумчивый.

– Ничего, – опомнившись, прокомментировала она, – все равно пора сниматься.

Женя фыркнула.

– Я, что же, гоню тебя?! Если бы не моя мочалка. Или хоть квартира была бы путная. Однокомнатная клетуха.

– Да нет, дело не в этом, – вздохнула Ксюша. – Андрей и в самом деле собирается жениться на мне. Сегодня подали заявление.

Женя вскочила с кресла, в которое только что устроилась.

– Вот это да! Идеальный вариант. К нему мы и стремились! А ты еще не верила. Наверное, лучше Ханумы, чем я, не найти.

Женя кивнула на экран телевизора, где мелькали кадры известной оперетты, и попыталась повторить несколько движений танца, который в это время демонстрировался.

– Что тут идеального… Не собиралась я замуж… Но не носиться же со шваброй всю жизнь…

– Наконец то слышу разумные речи, – еще более просветлела лицом Женя. – Давай по этому поводу выпьем.

Не дожидаясь ответа, она выскочила на кухню, хлопнула дверцей холодильника и принесла начатую бутылку водки и два стакана.

– Я не буду, – возразила Ксения. – Что-то мне не нравится вся эта история. Если сейчас сомнения одолевают, что будет завтра? Водить парня за нос…На кой черт согласилась…

Женя поставила на столик принесенное и откинулась в кресло.

– А что это, за нос? Он сам напрашивается. Ты, как истинная леди, ему уступаешь, не сразу а, якобы, в сомнениях… А что тебе в нем не нравится? Импотент что ли, или садомазохист? Может голубой?

–Все вместе.

– В самом деле?! – удивилась подруга.

– Да нет, это я так…, не могу объяснить.

– Не черта тут объяснять. Завтра ставь вопрос ребром, пусть ищет хату. И гонит бабки на содержание. Как у него с этим…, – Женя пошевелила пальцами, сжатыми в щепотку.

– Откуда у него деньги? Родители содержат.

– Ну, это его проблемы, – решила Женя.

Ксения встала, подошла к столику, налила себе водки и выпила. Действие напитка оказалось более сильным, чем предполагалось, и она стала судорожно искать, чем бы перебить ощущение пожара во рту. Женя, смеясь, плеснула ей в

стакан воды.

Ксения запила и со слезами на глазах и уставилась на подругу.

– Что это?

– Спирт разведенный.

– Ненормальная.

– Зато вывела тебя из прострации. Что там у тебя не клеится? Это же не муж, просто находка. Или у тебя напряженка с фантазией?! Не можешь представить светлого будущего? Свой угол, обеспеченность. Мужа в море, сама…не найти слов! Вернется на недельку – другую, всего– то облизать, себе же в удовольствие. Осточертеть не успеет, снова в поход. Ты в свой. Ни забот, ни проблем. Одни радости.

– Не хочу я этих радостей… Не сейчас. Надо прийти в себя. Поживу пока где– нибудь в общежитии. Поможешь?

Женя с недоумением пожала плечами и налила водки в стакан. Для себя.

– Ну, как знаешь… Помогу. Как бы ты не топорщилась, я пью за твою удачу. Хоть ты до нее и не дозрела. На свадьбу – то пригласишь?

Ксюша придвинула ближе к столику свое кресло.

– Конечно. Если она и будет, то очень условная. Я бы вообще ее не хотела. Этот ритуал…Все равно что похороны. Наверное, когда по желанию, то может быть не так…

– Ну, выпить, закусить и поплясать будет возможность?

Ксения хмыкнула

– А что еще надо? Нам ведь все равно, день рождения, похороны, лишь бы праздник… Давай еще выпьем, я принесу закуску, а то моя плесень явится завтра, не разбежишься с весельем.

– Депутат, что ли? – не поняла Ксения, провожая взглядом Женю.

– Какой депутат! Мать! Того черта сгребло еще на прошлой неделе без всяких координат… Вроде на него прокуратура дело шьет, да и хрен с ним, надоел, – прокричала Женя уже из кухни.

Ксения принялась изучать этикетку на бутылке.

– Бутылки то у тебя все какие-то экзотические – джин, виски, мартини…

– Это воспоминания о былой роскоши. Депутат тут корки мочил, – откликнулась Женя, выплывая из кухни с провизией и устраиваясь на свое место.

– Нет. Больше не буду. Я и так забалдела, крыша не держится, -воспротивилась Ксюша.

– Ну, смотри! Как ты устроилась, в научном центре-то? Есть там на кого глаз положить?

Ксюша мотнула головой, нерешительно посмотрела на подругу, но ответила:

– Обычная публика. Правда есть один – архивариус. Я когда зашла в его келью… Представляешь, полутемное помещение, сводчатые потолки…ну, бывший монастырь, стеллажи и в углу…стол большой, темно-коричневый…и за ним

он, в чер ном… Я даже испугалась, подумала, что снимают кино…ну точно персонаж с ленты… Такое ощущение…До сих пор, мурашки по спине

– Ближе к копчику… – хриплым шепотом уточнила рассказ Женя, ставя опустошенный стакан на столик.

Ксения отмахнулась от нее.

– Знаю я эти мурашки, – продолжила Женя, невзирая на протест. – Ты с ними в Стрельне на контролера наседала… Чуть не лишила беднягу девственности.

– Да ну тебя, – рассердилась Ксения. – Уж по мне это чудовище из архива интереснее, чем образец в морской форме… Только декорация одна, а как добрался …

– Так вы уже трахались?! – изумилась Евгения.

– Нет.

– Почему?! – не поняла подруга.

– Не было настроения.

Женя задумалась.

– Ну, если с точки зрения целесообразности, это правильно. В его сознании должно укрепиться мнение о твоей целомудренности. Жена морского офицера не должна быть слабой на передок… Хотя с другой…чем тебе мальчики-то не нравятся?!

– Мальчики– то педарасики? – презрительно переспросила Ксения.

– Ну, какие же они педарасики, если к тебе лезут?

Ксения вскочила.

– Понимаешь, я сама хочу выбирать, когда, и как, и с кем…

Женя удивленно округлила глаза, но дожевала свой бутерброд и изрекла:

– Слишком многого ты хочешь.

Ксения хмыкнула, вернулась в кресло и, опершись подбородком в согнутую кисть руки, вспомнила:

– Кажется, ты то предпочла не засранца…

– А…брось, – махнула рукой Женя. – Это не мой выбор. Да и не все, что набралось опыта, ценно…Давай лучше допьем, а то, когда еще сможем посидеть вдвоем без всяких козлов, хоть старых, хоть молодых.

– А…давай, – со вздохом согласилась Ксения.

Стажировка проходила не без осложнений. Если в архиве Ксения чувствовала себя в загадочном мире и в абсолютной безопасности, то в других отделах ощущала грубую связь с действительностью. Создавали это ощущение, конечно же, мужики. За свою короткую жизнь она осознала цену своим прелестям но и успела усвоить какую опасность представляет это оружие при неосторожном обращении с ним. Потому свою мортиру старалась держать зачехленной и не высовываться из окопа не осмотревшись. В богадельне было немало женщин различных возрастов и на все вкусы, но они уже воспринимались активной половиной как надоевшие детали интерьера. Ксюша в этой ситуации приняла разумное ре-

шение – как можно скорее слиться с общим фоном. В своем гардеробе она отыскала относительно скромное платье до колен из грубой светло-бежевой ткани, которое предназначалось для прохладной погоды. Без пояса, надетое прямо на джинсы оно напоминало балахон и скрывало даже неоспоримые достоинства. Чтобы скорее намозолить глаза претендентам Ксюша стала появляться в их кабинетах в одном и том же одеянии, с одной и той же прической, с одной и той же шваброй.

К сожалению ее маскарад обманывал не всех. Самым неугомонным оказался Петелькин, тот, что выпрыгнул из-за компьютера, когда она знакомилась с объемом работ. Этого не могли обмануть никакие защитные декорации и объект своего вожделения он видел сквозь любые одежды. Подетально. Явление Ксении, вероятно, лишило его покоя, поскольку теперь каждую свободную минуту он рыскал по этажам, ориентируясь на шорох швабры. Как опытный стратег он попытался заболтать свою потенциальную жертву, плел что-то о бессмысленности содержания их учреждения, с одной стороны, и стратегической целесообразностью с другой – в плане трудоустройства населения. Материальные блага, которые может дать такая форма заботы о человеке это не самое главное, поскольку решающим стимулом для всего живого остается зов природы – тяготение, которое заложено в нем изначально…Тот самый основной инстинкт перед которым меркнут самые глобальные проблемы…

Судя по непроизвольным движениям его рук, ему не терпелось перейти от словоблудия к более убедительной форме изложения материала. Маневры этого лысеющего ловеласа, понятные с первого же слова сначала немного развлекали Ксению, но быстро надоели. Хотя внешне он не отпугивал – был не чрезмерно упитанным, нос безукоризненный, чуть курносый, как – будто принюхивающийся, губы полные, всегда приоткрытые и влажные, глаза раскрывающиеся по мере приближения к женщине… Воплощение стопроцентной сексуальной готовности… Когда он, однажды, все– таки загнал ее в угол коридора и уже без демагогии стал расписывать прелести ночного кабака, воссозданного по старине и даже «с нумерами», совсем недалеко от собора, Ксюша вынуждена была прояснить безнадежность его положения:

– Вы знаете, я выхожу замуж. Буквально на днях.

Петелькин вначале что-то растерянно забормотал, но быстро просветлел лицом. Ксюша, заметив это, отрицательно мотнула головой:

– Когда женщина собирается замуж это самое худшее время, для того, чтобы ее соблазнить. Даже кабаком с нумерами. Любая женщина. Даже если она с головой не дружит.

Петелькин снова, на мгновение помрачнел, но тотчас вновь вернулся к жизни, собираясь что-то возразить.

– И ее нужно, как минимум, года на два оставить в покое, – уже совсем безжалостно сунула его лицом в корыто Ксюша.

Петелькин скривился. «А я к тому времени уже забуду, как тебя зовут» – подумала Ксюша.

Кандидат, непонятно каких наук, не слишком бодро рассказал пару анекдотов, уже без сексуальной закваски, и уныло отправился в свой кабинет, досиживать рабочее время.

Ксения по наивности вздохнула с облегчением, но торжество победы оказалось преждевременным. Несмотря на проведенную работу образумить Петелькина мог, видимо, только вечный покой и хотя адресов ночных заведений со сказочными условиями он больше не называл, Ксюша время от времени продолжала замечать блеск его глаз в глубине коридора. Натуральный кот. От такого можно ожидать каких угодно сюрпризов, и в любую минуту. В сущности, она его не боялась. Физически справиться с нею, даже в идеальных условиях он вряд ли сможет, да и вряд ли рискнет.

Скрыть от него хитрости превращений, конечно же, не удавалось.

– Вы на этом этаже выглядите как-то не так как на третьем, – сделал вывод он, встретив ее у архива в тонкой кофточке и в джинсах без балахона.

– А у вас, на третьем, производство вредное, – не стала блефовать Ксюша. – Маньяки всякие…

– Ну, конечно, – согласился Петелькин, – здесь мертвое царство.

– Оно-то меня как раз и устраивает, – снова обломила его Ксюша.

В это мертвое царство она действительно погружалась с непонятным ей самой жутким удовольствием. Архив, с таинственными полутенями, запахами чего-то давно забытого (или неизведанного?) или жутковатый хранитель вековых тайн вызывал необъяснимое волнение. Может быть стены этой обители впитавшие страсти и ужасы прошлого, подхватывали ее своей энергетикой, но она заметила, что степень ее воздействия возрастала в геометрической прогрессии при приближении к письменному столу. Обходя даже дальние углы архива она чувствовала его пронизывающий взгляд из под настольной лампы, но не могла перехватить его, как бы внезапно не оглядывалась. В эти мгновения она видела лишь склоненную над манускриптами голову. Определить направление его упертого взгляда было несложно. И обидно. Не поднимал он головы даже когда она роняла швабру, звякала пустым ведром. Она ни разу не слышала его голоса и даже стала сомневаться в том, что он не глухой. А может быть и немой, одновременно? Эта его странность еще больше заводила Ксюшу.

В отличии от общения с потустороннем миром крутая действительность не давала слабины. Получив направление в общежитие для рабочих Ксюша не питала иллюзий и старалась исходить из худшего, но ее фантазия померкла перед действительностью. Когда она шагнула в указанную комнату, ей никто не кинулся на шею, правда и не приветствовал

матом, что уже было хорошим признаком. Как поняла Ксения, единственным. Комната оказалась размерами со спортивный зал, многоместная, явно давно не ремонтировалась и была заставлена разнокалиберными расшатанными кроватями в несколько рядов. Яркое впечатление дополнялось единственной тусклой лампочкой на проводе под потолком, не закрывающимися дверьми, окнами, с битыми стеклами и, соответственно, со сквозняками.

Публика была под стать интерьеру – словно только что согнанная из подвалов, широкого диапазона возрастов, неопределенного пола, еще не отмытая, но не на одно лицо. Каждое ошеломляло чем– то особенным – которое красочными синяками, с коростой, которое опухлостями, иное синюшностью или обтягивающей кости лица кожей и выпученными глазами. Все чесалось, скоблилось, отдавало запахом городской свалки. Оно было и не удивительно – в дополнение ко всем радостям общие места оказались с неисправной сантехникой, неисправной канализацией, прогнившими деревянными решетками и, само собой, без горячей воды…

Как Ксюшу вынесло за ворота она не могла вспомнить, и усилием воли остановилась только за два квартала от «богадельни», но, постояв в шоковом состоянии пару минут со слезами на глазах заставила себя вернуться. Столь быстрой капитуляции она себе позволить не могла. Ксюша, еще с детства знала, что в воду лучше всего входить сразу, окунув-

шись с головой. Растягивать это удовольствие – себе дороже.

Толстая, усатая комендантша нашлась в кладовой, сидящей между тюками с бельем. Она долго вертела в руках направление, как будто не понимая, о чем идет речь, затем, не выпуская из зубов сигарки, коптящей ей же в глаза, отчего она вряд ли что видела толком, сунула ей комплект сырого белья. Ксюша развернула простыни и содрогнулась. Мало того, что они не были просушены и вряд ли поглажены, они еще в каких– то немыслимых разводах… На ее вопль ужаса комендантша пояснила, с сильным южным акцентом, что это не она мочится в постель и забывает заткнуть своевременно свои срамные места. А прачечные не в состоянии смыть всю эту грязь. Ксюша долго не могла сообразить, как выйти из положения, потом, с дрожью в голосе попросила хотя бы утюг. Тетка вынула сигарку изо рта и только тогда удосужилась посмотреть на новую поселенку.

– Из студентов?!

Ксюша кивнула головой.

– Работаешь где?

Ксения с трудом выговорила:

– В НИИ, уборщицей.

В ответ она ожидала презрительное фырканье, но ошиблась.

– Белая кость…, – пробормотала комендантша, вытаскивая себя из груды тюков, в которых застряла.

Вылезая она попыталась одновременно поправить рябое

платье из плотной ткани. Это оказалось бессмысленным занятием, потому что оно скорее играло роль чехла, сдерживавшего расплывающееся тело и ее попытки поправить чехол, были просто рефлексными движениями.

– Здесь тебе не студенческое общежитие, здесь покруче будет…Пользование утюгом за отдельную плату, желательно в уе.

– В долларах?! – удивилась Ксения.

– Можно в евро… ну, или по курсу, – с неудовольствием пошла на уступку тетка.

Ксюша почувствовала, что готова расплатиться чем угодно, лишь бы прекратился весь этот кошмар.

Застелив предложенную ей кровать у стены, Ксюша окинула еще раз необъятную комнату взглядом, понаблюдала за бессмысленной миграцией публики. Обитатели то кучковались, то разбредались по углам…Под одеялом, на параллельной, через проход, кровати что-то лежало. Без признаков жизни. Может быть труп? Вполне возможный вариант…Впечатление усиливалось еще подозрительно спокойным поведением поселенцев, напоминающих тихо помешанных. Где-то она читала, что это наиболее опасная, неизлечимая форма заболевания.

Утюжка постельного белья мало что изменила. Представить, что к такой постели можно прикоснуться обнаженным телом она не могла и Ксения решила пойти по магазинам, чтобы купить тренировочный костюм. Напрашивался даже

не тренировочный, а какая-нибудь химзащита. По коридору Ксюша шла изо всех сил сдерживаясь, чтобы снова не сорваться в бег. Душа уже неслась впереди – за входной дверью, но все же она набралась мужества задержаться у комнаты комендантши. Кабинетик ее мало чем отличался от кладовой. Она сидела, забившись за стол, заваленный всяким хламом и, глядя куда-то в сторону, разговаривала сама с собой. Ксюша окликнула ее. Бесполезно.

– Нельзя ли за отдельную плату хоть в уе, хоть в…чем, перейти в другую комнату? Что-то получше у вас есть? Хотя бы размерами не с Красную площадь…

Комендантша, видимо сбившись с медитации, замолчала. Переварив полученный вопрос она неожиданно резво выпрыгнула из– за стола, схватила по пути амбарный замок и, вытолкнув Ксению из кабинета, вышла следом. Нацепив ловким движением замок в петли, тетка посмотрела на Ксюшу, как-будто та только что появилась.

– Самая хорошая комната, – прокартавила она.

– И что, есть хуже?! – не поверила Ксюша.

Покатившаяся было по коридору, комендантша притормозила и развернулась.

–Послушай, самая хорошая комната! – повторила она уже с возмущением, жестикулируя короткими толстыми руками и подчеркивая свое негодование гримасой. Взъерошилась даже щеточка черных жестких волос на бородавке щеки.

Купить тренировочный костюм было делом не сложным – магазинов в этом районе великое множество, но Ксения затянула это мероприятие до темноты. То не нравился цвет, то казались брюки мешковатыми, то теснило в груди или цена казалась не соответствующей предлагаемому товару. Поняв, наконец, что она пытается обмануть саму себя, Ксения купила первое попавшееся, и решительно направилась к общежитию. Энтузиазм, однако, быстро угас и, уже у дверей подъезда, ей снова пришлось уговаривать себя.

Войдя в комнату она усомнилась, здесь ли ее поселили. Палата тихонь внезапно превратилась в отделение буйно помешанных. Все что могло издавать звуки орало и галдело. Где-то бубнила музыка, вероятно из магнитофона, звенели стаканы, булькала жидкость. Запахи алкоголя, паршивой закуски, табачного дыма не успевали уносить даже сквозняки. Население, как минимум, удвоилось. Появились особи определенно мужской принадлежности. Какой-то бритый парень, забравшись с ногами, в грязных ботинках, на кровать брякал на гитаре и пытался переорать магнитофон. На кровати, параллельной Ксениной уже сидело вылезшее, видимо из-под одеяла, худосочное существо, блаженно улыбавшееся беззубым ртом, скрестив ножки в коричневых драных чулках. Оно мерно раскачивалось, в такт непонятно каким звукам, возможно гитарному бряканью. Худое лицо, с нависшими над ним растрепанными волосами. Ксюша невольно кивнула ей головой, настолько знакомым показался ей этот пер-

сонаж, который мало кто не видел у вокзалов, у мусорных баков… Ксению всегда интересовало, где живут эти раскрасавицы. Теперь она это знает. Более того, сегодня они на одном поле…

Ксюша отвернулась к своей кровати и оторопела. Ее дорожная сумка стояла уже на постели расстегнутая и явно распотрошенная.

– Что это?! – повернулась она к соседке.

Та, не переставая раскачиваться и закатывать глаза к потолку, пояснила:

– Менты. Шмон наводят… Придурки, ищут наркоту, как будто ее там для них кто-то приготовил.

– Рита! – заорал откуда-то из дальнего угла мужской голос. – Иди, падла, водяра налита!

– О, зовут! – засияла и резво вскочила старушонка.

Ксения попыталась проверить вещи, но от сногсшибательных впечатлений никак не могла сосредоточиться и кое– как застегнув сумку, швырнула ее под кровать, куда готова была забиться и сама. От ярких впечатлений хотелось завыть в унисон с бритоголовым. За время своей еще не очень большой жизни ей не приходилось быть членом какого-нибудь колхоза и сейчас поняла, что к стадному существованию абсолютно не приспособлена и готова была провалиться сквозь пол, выпрыгнуть в окно или заснуть летаргическим сном.

Публика угомонилась только к полуночи. Ксюша убеди-

лась, что все пьяное мужичье уползло, каким-то необъяснимым чудом игнорировав ее (может быть только присматривались?), переоделась под одеялом в спортивный костюм, и сложила одежду на спинку кровати. Осмотревшись она обратила внимание, что никто так не делает, свернула и сунула все в сумку, стараясь уложить так, чтобы не сильно помялась. Перед тем, как забраться в постель, несколько секунд постояла спиной к комнате, чувствуя на себе чей-то взгляд. Оглянулась. За ней, из– под приподнятого над головой одеяла, следили внимательные глаза Риты. Ксюша, невольно пробормотав «спокойной ночи», (на что не получила ответа) забралась, по примеру соседки под одеяло с головой и отвернулась к стене. Но это решение оказалось неудачным – быстро становилось душно. Свет почему-то не выключали, и Ксении приходилось время от времени нырять под одеяло, где она успевала немного подремать, затем снова высовывалась, чтобы глотнуть воздуха, от которого становилось еще тошнее. Больше всего боялась она, чтобы сон, о котором она молила, не явился продолжением окружающей действительности. Согласна была на любые другие кошмары.

Заснуть толком, однако, не удалось. Во второй половине ночи, в коридоре, раздались истошные мужские и женские крики, возня, какой-то стук – вероятно, возникла драка. Потом раздался пронзительный свисток, грохот выстрела. Все повскакивали. Ворвались омоновцы в масках, побегали по комнате, позаглядывали под кровати. Потом топот ног пере-

местился по лестнице на нижний этаж.

– Поймали кого– то, – пробурчала Рита, сидевшая в постели с закрытыми глазами. – Или убили.

– Кого? – спросила Ксения.

– А…кого-нибудь. Им все равно. Хватают первого попавшегося.

Наконец стало тихо.

– Почему не выключают свет? – поинтересовалась Ксения.

– Ты что! – открыла глаза Рита. Лицо у нее уже было не таким старым и отпугивающим. Волосы причесаны, кожа немного разгладилась… Даже взгляд стал более осмысленным. – Клопы же сожрут.

Ксению от ужаса свело судорогой.

– Видишь, на потолке, – не поднимая лица, Рита сунула указательным пальцем вверх. – Ползают, гады, и падают на кровать. На тепло реагируют. Без света их было бы больше…Ты кровать– то отодвинь от стенки. Они и по ней лазают.

Ксюша, взглянув на потолок, едва не упала в обморок, вскочила и оттянула задребезжавшую кровать от стены. Отбросила одеяло и обнаружила одну, потом вторую коричневые точки…

Никогда ранее не могла представить Ксюша, что на работу можно лететь как на крыльях. В понедельник это с ней

случилось. Двое, почти бессонных суток казались месячным заключением в аду, и она почувствовала, что еще немного и готова будет выйти замуж за черта. Около часа она не могла шагнуть за порог своего «офиса» на уборку, наслаждаясь возможностью побыть наедине с собой. Еще девочкой она безумно любила уединение, какие-то уютные уголки, куда можно было забиться с книжкой, где она часами пребывала в своем микромире, который заменяла на тот большой, в котором все бывало вовсе не так как хотелось. Матери нередко стоило немалых усилий выставить ее за дверь…Не могла же она позволить дочери вырасти мимозой, которая тут же зачахнет если лишить ее тепличных условий. Ксюша понимала это и хотя возвращение в неустроенность и непредсказуемость окружающей среды давалось ей нелегко заставляла себя мобилизоваться…На этот раз окружающая среда произвела на нее такое воздействие, что она не испытывала желания выбраться в коридор, и даже в архив, так бы и оставалась в своей коморке. Правда будь тот хранитель вековых тайн не таким нелюдимым…

Когда вечером на горизонте появился Андрей, Ксения впервые заметила, что он действительно симпатичный парень и что униформа ему даже к лицу… тем не менее, удержалась от комплимента и заявила, что устроилась хорошо, только в их общежитии очень строго – посторонних не пускают. Андрей понимающе кивнул (у них с этим тоже строго)

и вызвался проводить ее. Шли они пешком и Ксения всю дорогу надеялась, что жених пригласит ее куда-нибудь, хоть в самую заунывную оперу, но тот, как назло, ничего не предлагал и только плел какие-то истории из своей службы, которые производили на нее впечатление, как мемуары освободившегося. Когда же Андрей у подъезда ее приюта простился, Ксения готова была вцепиться зубами в его штанину, но… только попросила в долг немного денег, чтобы купить постельное белье – ей не нравится шелковое, какое здесь выдают, она предпочитает льняное…Андрей воспрял от ее слов и предложил пройти с ним (хоть это!) в универмаг. Простыни они купили в Гостином дворе, правда, то же самое можно было приобрести и ближе к общежитию и подешевле… Для проформы Ксюша взяла с парня обещание, что он даже не подумает отказаться от денег, когда она будет возвращать ему долг. Тот пообещал. Правда записывать в книжку сумму, которую одолжил Ксюше категорически отказался, как она не настаивала. У нее то самой память девичья…

Расстались они на остановке. Поездка на трамвае обычно затягивающаяся как путешествие на край света, закончилась так быстро, словно вместо ковыляющих и громыхающих вагонов им подали суперэкспресс. Уже стемнело, и Ксения, не без усилия, заставила себя войти внутрь общежития. Она все еще считала, что должна пройти период адаптации, чтобы созреть до решения, которого от нее ждал Андрей и которое уже, по сути, было ею принято, только он этого еще не знал,

а Ксюша в этом не признавалась даже самой себе.

В наступлением рабочей недели обстановка в общежитии немного изменилась. Распутный, дикий, никчемный народ вдруг показал себя деловым людом, мобилизованным на трудовые подвиги. Рита, отмывшись и отгладившись, оказалась молодой женщиной, лишь немного старше Ксении. Посетив косметический кабинет, она к вечеру вернулась в комнату почти симпатичной дамой…И все же ощущение сожительства с бомжами у Ксюши не проходило, и все положительные эмоции она получала преимущественно вне стен своего приюта. В основном – на работе. И, еще конкретнее – в архиве.

Нельзя сказать, чтобы работа уборщицы доставляла ей удовольствие, но Ксюша с детства была чистюлей и вид намытых, начищенных полов и убранных помещений, то есть конечный результат трудов, вызывал у нее чувство удовлетворения. Особенно если оно подогрето добрым словом или поощрительной улыбкой. Рассчитывать на благодарность можно было во всех кулуарах, только не там, где о ней мечталось. Здесь приходилось заявлять о себе, чтобы не принимали за пустое место, хотя бы!

И на этот раз, войдя в архив она намеренно громко хлопнула дверью. Ничего нового – явление за столом, не только не выразило никакой радости от ее появления но даже не шелохнулось. В сердцах Ксюша ткнула ведро на середину прохода, отчего вода выплеснулась на пол и тогда слу-

чилось чудо – он медленно поднял голову. На нее воззрились черные с блеском воспаленные глаза, кажущиеся особенно большими на сухощавом лице. Ксюша обомлела, ожидая услышать его голос, увидеть какое-то оживление в его глазах, но он лишь пробормотал, что высокой влажности в этом помещении не должно быть и здесь предпочтительнее полусухая уборка. Впервые услышав от него столь пространную речь, Ксюша попыталась спровоцировать его еще хоть на пару слов, (хотя бы пояснил, что такое полусухая уборка), но он по самые уши зарылся в бумаги и, как будто, умер. Ее вопросы повисли в воздухе.

Вздохнув, молоденькая уборщица, тем не менее, сообщила о себе некоторые анкетные данные. Так и не поняв, слышал ли он ее, Ксения отправилась на другие объекты, ругая себя за то, что напрасно затратила столько энергии. Вопреки логике, постигшая неудача лишь укрепила в ней намерение оживить этот экспонат, который одеревенел настолько, что не замечает ее, живую, молодую, красивую …Может быть его кто-то заколдовал, а на самом деле это живой и добрый человек? По крайней мере в его глазах такая бездонная манящая глубина…И голос…, он показался ей завораживающим, хотя она его толком и не расслышала.

Ообщежитие, к удивлению Ксении с каждым днем (чем ближе к пятнице) становилось все благопристойнее. Публика отмывалась, очищалась, в толпе чудищ проявлялось все больше человеческих лиц. В туалете отремонтировали, на-

конец, канализацию, ее содержимое больше не сочилось на пол, который, как оказалось, выложен керамической плиткой и зловоние рассеялось. Горячей воды так и не дали, но зато отремонтировали кран холодной, и она больше не хлестала днем и ночью пронзительной струей в жестяную, местами еще эмалированную, раковину. В среду, даже попытались морить клопов, но, как безнадежно прокомментировала Рита, радость эта на два– три дня. Такое они уже проходили. Взамен клопов, отступивших на исходные позиции в комнате установился удушливый запах морилки, которой щедро полили все, что попадало под пульверизатор, включая валяющихся в отрубе. Никто не роптал, все-таки это меньшее зло, чем гнусные насекомые.

В обратной пропорции к условиям проживания развивалась мелко-криминальная обстановка – стали чаще пропадать вещи. Сначала Ксения не досчиталась косметички, со всем содержимым, затем джинсовых брюк. Пытаться что–либо отыскать здесь было делом бессмысленным, хотя она иногда чувствовала в комнате знакомый запах своих любимых духов, а джинсы на нахальном черноголовом подростке, встреченном ею на лестнице были точь-в-точь как ее собственные. Рита сказала, что это чадо комендантши и что это беспросветный вор, хулиган и наркоман, к тому же.

– Воруют, – подтвердила она в заключение своего разъяснения и добавила пожав плечами, – Камеры хранения здесь нет. А если бы и была, воровали бы и оттуда.

Отчасти Ксения была готова к подобному развитию событий, да и ежеутренние вопли типа: «Какая сволочь сперла мою щетку пока я мочилась?!» – не оставляли места для иллюзий. Но джинсов было все равно жаль, и, на другой день, направляясь на работу, уже в своей мини юбочке, которую берегла только на случай отчаянной атаки (время которой еще не пришло), она отловила все же мальчишку на площадке и спросила, в упор, где он взял эти «левайсы».

– Купил. С рук, – нагло округлив глаза, с вызовом заявил тот, и в издевке скривил губы, по которым очень хотелось, чем ни будь съездить…

Ничего не добившись, Ксюша отправилась на работу, где вдруг проявились те же проблемы. В коридоре второго этажа снабженец демонстративно и досадливо разводил руками:

– И это научные работники, интеллигенты! Воруют по черному. Уж на электрическую-то лампочку можно наскрести, даже с их смешной зарплаты. Ну, не напастись!

Лампочки в помещениях организации действительно исчезали самым таинственным образом. Однако в коридоре второго этажа привинченная прямо на выступе арки, недалеко от двери архива, почему-то всегда была на месте и не перегорала так скоропостижно, как другие. Света ее, правда, не хватало на весь длинный коридор с крошечными оконцами. Наверное потому кадровичка, нагоняя Ксению, не разглядела ее как следует.

– Марина, ты почему не на занятиях?.. Ах, прости, думала

это моя дочь, в темноте перепутала, очень уж ваши фигуры похожи и рост …Черти какие-то опять повыкручивали все лампы. Управы нет никакой на этих шаромыжников… Зайди ко мне, Ксения.

Ксюша кивнула головой.

– Сейчас, возьму в кладовой свой инструмент и зайду, – пробормотала та с неудовольствием.

Ей, почему-то, не нравилась эта крупная тетка с маленькими хитрыми глазками, но табель рабочего времени на уборщиц вела она, а это уже признак начальственности. С этим приходилось считаться.

Ксения, не переодеваясь, взяла свой нехитрый инструментарий, закрыла «офис» и толкнула дверь отдела кадров.

– Корнилыч этот, просто наказание. То ложился поперек дороги, когда на этаже делали ремонт, то теперь, когда перешли вниз, не дает покоя, требует ремонта. Ему, видите ли, косметический ни к чему, устраните лишь протечки. Здание старое, то здесь, то там возникают трещины. Давно пора снести. Когда ни-будь, рухнет все на наши головы.

Ксения терпеливо слушала кадровичку, не совсем понимая, какое отношение имеет к ней эта информация. Решив, что ее пригласили, чтобы просто почесать язык взялась за ведро и швабру, чтобы уйти, но начальница, спохватившись, остановила ее.

– Я хотела попросить тебя помочь ему вынести часть архива в соседнюю кладовую. Ту, что у наружной стены. Вы-

носить, вообще-то, мы направим рабочих, а тебе, с Корнилычем, надо укладывать все в ящики. Учет и порядок расстановки он там определит сам. Это, может быть, и не твоя работа, но больше некому.

– Конечно, помогу, нет проблем, – тотчас согласилась Ксюша.

Инспекторша, окинув Ксению пристальным взглядом подошла к двери и проверив зачем-то плотно ли она закрыта посетовала, что финансовое положение организации не позволяет обеспечить спецодеждой работников в полном объеме, но уж для Ксении она кое– что может выделить. Коклюшкина вынула из платяного шкафчика синий, хлопчатобумажный халат и протянула Ксюше. Та развернула подарок. Конечно, на пару размеров больше и несуразной конструкции. Идеальный вариант для третьего этажа … Ксюшу сюрприз не удивил. О возможности такого подарка она догадывалась. Недаром Коклюшкина все первые дни наведывалась на ее «объекты» и не столько интересовалась качеством уборки, как почему-то придирчиво осматривала саму уборщицу. Сначала ничего не говорила, но молчанка длилась недолго. Сунув, в очередной раз, голову в дверь архива надзирательница окинула взглядом ее тонкую кофточку с короткими рукавами, брюки, обтягивающие бедра и ягодицы и поинтересовалась, нет ли у нее в гардеробе чего– либо… более подходящего для работы. Ксения тогда ответила, что нет…

– Хорошо бы к такому одеянию резиновые сапоги, – не сдержалась Ксюша, сворачивая халат. – Желательно повыше колен.

– Неплохо бы. По норме положено, – согласилась Коклюшкина.– Но нет возможности.

Ксюша подалась к двери.

– Подгонишь. Не из белоручек, я думаю…Или сдай в ателье, – напутствовала ее кадровичка.

Ксении не оставалось ничего, кроме как поблагодарить тетку за заботу. Правда, идея сдать халат в ателье ей понравилась.

– Мы там что-нибудь поразмыслим насчет поощрения для всех, – добавила тетка.

– Да ничего не нужно.

Кадровичка осуждающе покачала головой.

– Этого никогда не говори. Деньги святое, они всегда нужны.

Ксюша не стала вникать в меркантильные настроения Коклюшкиной – она внезапно поняла, какой шанс дает ей самой пропажа брюк. Мини юбка – это же как раз то, что надо! Ее время пришло. Вот когда она возьмет в оборот архивное чудище, она заставит его вернуться из своих потусторонних странствий к ней в нынешнюю жизнь, если не принцем, то нормальным дееспособным мужиком. Надо продумать каждый жест, каждое движение, каждое слово… Она была уже захвачена идеей предстоящей атаки и, ничего не ответив на-

доедливой тетке, выскочила из отдела кадров.

Не мешкая, Ксения кинулась в общежитие готовить обмундирования к предстоящему событию. Следующим же утром она во всеоружии бесшумно, как приведение проскользнула в обитель полумрака и теней. Когда она практически уткнулась в стол обнаженными бедрами, (расчет был верным – нижняя кромка юбки оказалась чуть выше письменного полигона) архивариус медленно поднял голову, бессмысленно посмотрел куда-то в область ее пупка и снова провалился в пожелтевшие страницы. Ксюша продолжала молча стоять.

– Что?! – наконец промолвило чудище.

– К вам направили, в помощники.

В ответ тишина.

– Собирать вашу макулатуру, – добавила Ксения уже немного обиженно.

Архивариус посмотрел куда-то в сторону.

– Завтра.

На этом информация закончилась. Мысленно ткнув его носом в паршивые бумаги (всю ночь наглаживала свою юбочку!) Ксюша повернулась и вышла с еще более твердым намерением добиться намеченного результата. Неудавшаяся репетиция еще не показатель. Сам спектакль пройдет на славу. Тем более что сюжет его рождался в бедовой головке сам собою…

У метро Ксения сообразила, что сориентировать ее в ма-

газинах нижнего белья лучше всего сможет Женя и найдя телефон– автомат набрала номер подруги. Та оказалась дома и, в ответ на просьбу Ксюши пошастать по лабазам живо откликнулась – в магазинах Женя любила проводить время и просто так, а уж если кому-то что посоветовать…

– Подожди меня у метро. Я сейчас подъеду. Найдем все в лучшем виде.

Ждать пришлось недолго. Женя появилась с неожиданной стороны – прикатила на такси.

– Откуда бабки? – поинтересовалась она в первую очередь.

– Андрей к именинам сделал подарок.

– Видишь, – наставительно заключила Женя, – как важно иметь узаконенного спонсора. У него, наверное, родители состоятельные?

– Так, если не ошибаюсь, не узаконенные расплачиваются так же. А может еще щедрее.

Женя махнула рукой.

– Те не гарантированные. Ну что, как я понимаю, началась подготовка к медовому месяцу? Чем же ты хочешь взять своего красавца?

– Ну, что-то такое, чтобы …, – Ксюша сморщила нос, – у мужика съезжала крыша. Но не слишком. Короче, что-то эротическое.

– Опасаешься, что может случиться облом? Вроде парень то…

– Да нет, – нехотя пробормотала Ксюша. – С Андреем без проблем. Он может и по свистку милиционера.

Женя с изумлением уставилась на подругу.

– Тогда кого же… Неужели?! – не удержавшись, она расхохоталась. – Ну, подружка, ты даешь! Неужто хочешь мертвого поднять?

Ксения хихикнула за компанию.

– А что! – продолжала веселиться Женя. – Занятие вообще-то увлекательное. Вот была бы хохма! Я представляю себе, какие позы ты будешь принимать в архиве, и результат. А если помрет?

Воодушевившись безумной идеей подруги, Женя предложила ей заглянуть в секс Шоп.

– Там именно то, что нужно, – уверила она.

Ксюша задумалась.

– Что, никогда не бывала там? – удивилась Женя.

– Нет, как-то не решалась. Подумают что какая-нибудь маньячка…,– призналась она.

– Темень ты! Все путные телки там одеваются, профессионалки, конечно, тоже, но чем мы то хуже? Идем, здесь рядом.

Они прошли немного по Московскому проспекту, потом Женя потянула Ксюшу куда-то в подворотню и, в глубине, они подошли к врезанной в старую кирпичную стену стеклянной двери, в алюминиевой оправе.

Магазин оказался более солидным, чем казался снаружи

и даже из двух залов. В первом Ксения не задержалась. Даже при ее умении абстрагироваться, стеклянные прилавки с множеством муляжей самых невероятных конфигураций и размеров не вызывали желания хотя бы притормозить а не то, чтобы рассмотреть товар. Во втором отделе, увешанном изящными кружевными тряпицами, она почувствовала себя увереннее. Может быть еще потому, что здесь были и покупатели.

Женя сразу определила, что нужно Ксюше – черные ажурные чулки с пояском и трусики того же цвета.

– Представь, под твоей голубоватенькой мини юбочкой, эти чулки …ты слегка наклоняешься и все, что находится за твоей попкой встает дыбом. Или поднимаешься по лесенке… Даже я, со своей ориентацией, пожалуй бы не устояла. Нет, Ксюха, ты себя недооцениваешь.

– Да достала меня эта швабра из отдела кадров. Всучила мне сегодня халат такой…страшнее войны. Балахон. Несуразный, еще и большой. Вот я решила компенсировать. Назло этой кикиморе, – принялась запоздало объяснять концепцию своего решения Ксюша, не смущаясь откровенной натяжкой.

Подруга хмыкнула, видимо поняв замешательство Ксении и наверное из зловредности попыталась приостановить ее в первом зале.

– Покажи хоть, какой образ ты носишь в сердце, – выдавила она со смешком кивая головой в сторону витрин с му-

ляжами.

Ксюша, ничего не ответила и прибавив скорости, выволокла подругу на улицу. Только там призналась:

– А я об этом как-то не думала…

Женя остановилась в изумлении.

– Ты что, так с Андреем и не…

– Не…, – остановила ее Ксюша.

Женя покачала головой.

– Ну и мужика ты оторвала! И он терпит? Как тебе это удается?!

– Да никак. Предложила ему оставить до первой ночи. Конечно, я сказала, чтобы не было иллюзий, что не девочка… Он согласился. Наверное, сама и подстегнула. Вряд ли ему пришло бы в голову сокращать срок.

– Так что, скоро и регистрация?

– Через неделю.

– Ни хрена не понимаю, – махнула на подругу рукой Женя.

Вечером в коридоре общежития она снова столкнулась с недорослем. Несмотря на свой беспроигрышный аргумент, он уже был в другой одежде. Скорее всего, добыча ушла за щепотку марихуаны, потому как глаза преступника приобрели какой-то оловянный отсвет. Но Ксении было не до него. С джинсами она уже простилась.

Закрывшись в кабине туалета, Ксюша примерила приоб-

ретенный в секс-шопе комплект с любимой мини юбочкой, осмотрела в зеркальце себя со всех сторон – от пояса и ниже… Видок сногсшибательный. Будущий трудовой процесс предполагал множество пикантных поз – от зависания на стеллажах, до тщательного укладывания книг и бумаг на самое дно ящиков… Не она будет, если завтра заржавевшая челюсть архивариуса не отвалится до самого стола от шока. Определенно, не впустую она выложила такие деньги… Халат Ксения сунула в сумку в надежде, что его постигнет та же участь что и джинсы. Заниматься его реконструкцией уже не было ни времени, ни желания…

С утра архивариус уже ждал ее. Это она поняла по тому, что в помещении и по коридору было расставлено более десятка больших фанерных ящиков. Она впервые увидела его в вертикальном положении и отдельно от стола. Горба у него она не обнаружила, ростом они оказались почти одинаковыми, что ей понравилось (долговязых она не переносила). Взглянуть на Ксюшу он, конечно же, не удосужился. Правда, на этот раз невнятно пробормотал нечто вроде приветствия. Но самый главный сюрприз этот черт держал в руках – абсолютно такой же, безобразно огромный синий халат, от которого Ксюша только что избавилась, и пару тряпочных перчаток белого цвета. Перчатки ей даже понравились, но халат! Спецовку Михаил Корнилыч сунул ей молча, и рукой показал, откуда начинать. Ни взгляда тебе, ни пояснения. Сам

он тоже был облачен в халат, только (естественно!) черного цвета, длинный, но размером с его неожиданно плотную фигуру. Ксюша без энтузиазма натянула спецовку, но застегивать ее не стала. Осмотрелась. На каждом ящике приколоты бумажки, с перечнем разделов, которые в них должны быть уложены. Разделы обозначены на стеллажах. В некоторые книги Ксюшу подмывало заглянуть, но поставленная перед собой задача не давала права отвлечься. Каждую минуту она прикидывалась недопонимающей, доставала архивариуса вопросами, то уточняла цифру по ее мнению небрежно выведенную, то какой стороной укладывать папки, не лучше ли их ставить вертикально… Архивариус, если и произносил какие-то слова, то невразумительно и предельно кратко. И все-таки это уже была речь, приближенная к человеческой. Сам он тоже занимался комплектованием коробок, но только тех, которые были вдалеке от Ксении. Ходил он неторопливо, все движения выверены, Ксению иногда подмывало подставить ему ножку или подсунуть что-нибудь на его пути, но опасалась последствий. Хотя она не могла себе представить, чтобы архивариус оступился. Скорее всего, как компьютерный робот перешагнул бы препятствие… Она намеренно не застегивала халат, старалась принимать разные позы, но все ее ухищрения оказывались напрасными. Даже то, что не скрывал халат оставалось незамеченным, поскольку смотрел он только на перепись дел и на таблички, пришпиленные к ящикам.

Перед самым обеденным перерывом расположение духа Ксюши все же улучшилось, потому что незадолго до полудня она сообразила зацепиться карманом ненавистного халата за выступающий металлический уголок ящика и дернуться. Треск ткани прозвучал как музыка. Тотчас же сбросив спецовку, она заявила, что ей нужно или укладывать бумаги, или заниматься ремонтом халата. Вон как его располосовало! Не будет же она в таком рванье работать! Корнилыч, как она и предполагала, промолчал, что, по сути, означало свободу выбора. Конечно, она предпочла заниматься делом. Ксюша с вдохновением принялась, было, за работу в новом ярком облике, как архивариус вдруг коротким словом «обед» поставил на ее энтузиазме точку.

Ксения была готова и к этому отделению – приволокла с собой пакет с бутербродами и напитками. Сдвинув бумаги на столе архивариуса на одну половину, она разложила свои свертки, поставила термос и жестом руки (может быть такая форма общения ему привычнее?) пригласила Корнилыча. Хотя тот в это время на нее не смотрел, приглашение каким-то образом уловил и, отрицательно качнув головой, исчез. Ксения готова была швырнуть ему вдогонку бутерброд. Она же готовила все это на двоих! Встала еще затемно и на кухне, куда ее в иное время не загнала бы и блокада кипятила воду, заваривала чай, стараясь не видеть полчищ тараканов и не слышать их шуршания. Перед тем как налить холодной воды в кастрюльку добрый час отчищала ее и отмывала. Ко-

гда обнаглевшие твари пробегали по голым ступням, молча лила слезы от отвращения. Она и чай в термос заварила не сразу, первую кастрюлю кипятка выплеснула на гнусных насекомых, едва не обварившись.

Только он скрылся за дверью, как она бросилась следом, чтобы все-таки переубедить его – в столовых нынче кормят отвратительно… Выглянув в коридор, она обомлела. Коридор по всей длине был пуст. Может быть, он и в самом деле привидение? Аппетит пропал. Кое-как прожевав бутерброд и запив глотком «пепси» Ксюша от безделья стала рассматривать на стеллажах разноцветные корешки папок и книг, когда почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянулась. Архивариус снова стоял в проходе и в упор смотрел на нее. У Ксюши что-то екнуло внутри, и она совершенно бессознательно пошла к нему навстречу – в мини юбочке, черных ажурных чулках, покачиваясь на каблуках…

– Оставаться здесь нельзя! – заявил тот и, отвернувшись, снова пропал.

– Какого черта! – заорала вне себя Ксения. – Где же мне обедать, может быть

в туалете или на полу в коридоре? Или я что, по-вашему, из вражеской разведки?

Она выскочила из-за стеллажа, но в архиве кроме нее снова никого не было. В коридор выглянуть она уже не рискнула. Вдруг и там пусто?

– Тут недолго и умом тронуться, – пробормотала Ксюша.

Она вернулась к рабочему месту архивариуса и уселась в его массивное кресло из дерева, отполированного руками и задами. Поерзала ягодицами. Жесткое, но удобное. И, наверное, не только для сидения…

Архивариус появился снова только через полчаса и сразу же приступил к работе. Поднялась и Ксюша. Уже без всякого подъема ползала она по стеллажам потому что даже не оглядываясь, знала, что взгляд архивариуса так ни разу и не зацепился за ее соблазнительную попку в новых кружевных трусиках. Было смертельно обидно. За выброшенные на ветер деньги, за такую удачную, казалось бы идею, за все усилия … За все сразу.

Работы оказалось не так много как казалось вначале и к концу дня один из трех стеллажей, который нужно было освободить, опустел. Ксюша уже работала уныло, без интереса. Перед окончанием рабочего дня, на верхней полке опустевшего стеллажа, она заметила упавшую на бок и потому малозаметную книгу. Тащить стремянку к этому месту она посчитала делом хлопотным и взобралась на стеллаж, держась за металлические угольники. Если перегнуться через край верхней полки, то открывающаяся восхитительная панорама могла бы убить кого угодно. Только некого. К доисторическому персонажу это не могло относиться, потому что чтобы стать убитым, надо было быть хоть чуточку живым… Ксения потянулась к книге, уже взяла ее, как вдруг почувствовала, что куда– то плывет. Она метнула взгляд на сте-

ну и поняла, что падает вместе с многопудовым стеллажом. На спину. Внутри все похолодело. Труп, в лучшем случае, в худшем – калека. Она бросила книгу, ин-стинктивно вцепилась в металлическую кромку и взвизгнула, ощущая, одновременно, как ускоряется падение. Надо было, пока не поздно, расцепить пальцы и спрыгнуть, но это оказалось свыше ее сил, руки не слушались и еще больше, до онемения сжимали стальной угольник. Когда глаза от ужаса стали вылезать из орбит, она вдруг почувствовала, как то самое место, на которое она делала ставку, оперлось на какую-то уютную и прочную опору, а металлическая громадина замедляет свой крен. Когда только глаза вновь обрели способность видеть, Ксюша перевела взгляд вниз. Она сидела своей очаровательной попкой, в новых супертрусиках, на плече у архивариуса, который обеими широко расставленными руками, сдерживал мощное давление конструкции. Железяка, наконец, замерла и сначала очень медленно, потом все быстрее двинулась в обратную сторону. Когда убийственная махина встала на прежнее место, Ксения, вместо того, чтобы спуститься по стеллажу вниз, обхватила одной рукой за шею Корнилыча, а пальцы другой разжала. Тому ничего не оставалось, как шагнуть в сторону и опустить ее на пол. Сползала она медленно и с невероятным удовольствием. Кофта, юбочка все задралось и она, почти голым телом скользила по его телу. Став ногами на пол, она забросила вторую руку ему за плечо, сцепив кисти за головой. Лицо у Корнилыча было бледное

– Ксюша решила, что это от волнения, но тяжелое дыхание и капельки пота на лбу разочаровали. Может быть, конечно и от волнения, но вовсе не от того, которого ожидала девочка. Архивариус медленно стянул ее руки с плеч и подошел к столу. Оперся руками о его кромки и остался стоять, согнувшись, спиной к ней,.

– Я же не знала, что он не закреплен, – оправдывалась Ксения.

Говорила это Ксюша почти бессознательно и без малейшей интонации раскаяния. И какое могло быть раскаяние? Напротив, она вся была еще под впечатлением пережитых острых минут. Если не считать тех в которые чуть не погибла. Она все еще ощущала на своем бедре крепкую руку Корнилыча. Это было откровение. Теперь она знала точно, она не ошиблась, в этой пороховнице еще полно пороху. Каким бы приведением теперь этот оборотень не прикидывался, ее не проведешь. Она почувствовала мужчину и уже знала, что не оставит его в покое пока, не отскоблит с него всю вековую штукатурку и не вернет его к жизни!

Перед уходом архивариус протянул Ксюше сложенную бумажку. Она развернула записку тут же. В нее была крупная купюра и адрес магазина.

– Там можно недорого купить неплохие джинсы, – проскрипел Корнилыч и показал ей кивком головы на выход из помещения. Сделав это движение, он на мгновение встретился с ней взглядом и Ксюша успела заметить в черной

мгле растерянных глаз искорку. Маленькую, одиночную – она быстро скользнула по его зрачкам и исчезла. Но Ксения уже знала, что она только затаилась на время, и рано или поздно неминуемо разгорится ярким пламенем. Вот тогда по– настоящему тронется лед, затрещит по всем направлениям и снесет все препятствия, как бы тщательно их не сооружал этот дикарь! Она заставит упрямые губы размягчиться, ссутулившуюся спину распрямиться, а глаза… их то ему как раз не удается спрятать, они живые и выдают оборотня с головой.

Ей и в голову не пришло отказаться от подарка. Вовсе не потому что собственные джинсы похищены и вряд ли найдутся. Теперь он плотной тканью подаренных брюк будет обхватывать ее ноги, бедра, ягодицы и сам ощущать их тепло, их зовущую податливость….

Андрей увязался за ней, и в этот вечер они, до темноты, изучали содержимое магазинов, рынков, киосков. Происхождение денег она объяснила тем, что ей их выдали на приобретение спецодежды.

Как она была близка к истине, Ксюша узнала уже на следующее утро, когда ее стали одолевать сомнения по поводу вчерашних оптимистичных выводов. Архивариус неожиданно встретил ее таким же нелюдимым, как и в первый день знакомства. Снова невнятные команды и жесты, как в обществе глухонемых. Словно не ее держал он вчера в своих объ-

ятиях, не она, прильнув к нему всем своим прекрасным телом, передавала ему свое тепло, от которого в этих непроницаемых глазах зажегся огонек. Где он сегодня?! Ксения принялась, было, рассказывать, как тщательно выбирала джинсы на Троицком рынке куда он ее и направил, но тот в наглую провалился в свое чтиво и, пока она не замолкла, не вылезал из него. Потом, коротко распорядившись завершить вчерашнее занятие, успел кое-как озвучить информацию о том, что сейчас придут. Кто и зачем она не поняла, да ее это и не интересовало. Никакой реакции на ее обтягивающие (не менее завораживающие, чем трусики) брюки, никакой, даже самой тщедушной, искорки в зрачках. Тогда Ксения и убедилась, что она вчера, сама не подозревая, сказала Андрею правду. Она приобрела средство защиты. Только не для себя…

Теми, что «сейчас придут» оказались два носильщика. Один худой, обросший, неопределенного возраста, похоже давно не мытый, второй в полном контрасте – молодой, бодрый, приятно припахивающий лосьоном. Его лицо Ксения, сначала, приняла за девичье – большие голубые глаза, кучерявые светлые волосы, губки бантиком… «Куклы с него были бы нарасхват» – подумала Ксюша. « Наверное, голубой, не иначе». Она окинула его фигуру взглядом. Нет претензий. Повыше среднего роста, стройный. Парень, очевидно, давно определил себе цену, потому смотрел в лицо Ксении не мигая, пока она не стала испытывать дискомфорт. Затем выразительно подмигнул и назвался Вадиком. Вероят-

но, это представление должно было означать, что он не голубой и согласен иметь с ней дело. Какое именно, ломать голову не приходилось. Ксения растерянно усмехнулась. Красавчик, ничего не скажешь. И наглости не занимать. А некоторые лишены ее начисто, да еще и скрываются неизвестно где. Ксюша оглянулась. Архивариус действительно куда-то исчез, словно для того чтобы дать им возможность принюхаться друг к другу. Ксения фыркнула.

Однако это выражение презрения не произвело впечатления на Вадика. Когда он с напарником – бомжом втаскивал ящики в подсобное помещение, оказавшееся чем-то вроде филиала архива, а Ксения контролировала их расстановку херувимчик, пользуясь всяким случаем, задевал ее то рукой, то ягодицей, хотя помещение было достаточно просторным для маневров. Ксюша пыталась вдавиться в любое подвернувшееся пространство, чтобы избежать соприкосновения, но получалось не всегда удачно. Или не очень хотелось? Парень явно шел на абордаж. Под вечер он воспользовался тем, что его компаньон смотался с работы раньше времени, и рядом больше никого не было (архивариус так сюда больше и не заглянул), уже откровенно загнал ее в угол и громким шепотом осчастливил ее:

– Остаемся здесь, ты меня возбуждаешь. Старый башмак скоро слиняет. Резинка у меня в кармане.

Ксения в возмущении дернулась от него в узкий проход, почувствовала, что за что-то зацепилась ногой и услышала

короткий треск ткани. В испуге взглянула вниз. Штанина новых джинсов была надорвана плохо загнутой металлической полоской, которой запечатывают ящики. И что за невезуха!

– Слушай! – разъярилась Ксюша. – Вали-ка ты отсюда в свою голубую даль.

Шорох у входа в кладовую прервал назревшую дискуссию и предотвратил развитие событий. В дверях стоял архивариус с большим навесным замком в руках и оглядывал нагромождение коробок. Наконец-то, явился! Пересчитав ящики, он скользнул взглядом мимо них и повернулся, с явным намерением закрыть кладовую. Вместе с ними? Конечно, его же нисколько не волновала судьба Ксюши, он беспокоился только о своих пахнущих древним тленом бумажках! Ксения обомлела.

– Корнилыч, да вы что?! – воскликнула она. – Мы же еще не вышли.

Архивариус не произнес ни слова, шагнул в сторону, еще больше ссутулился и стоял так, не поворачиваясь, пока они не покинули подсобку.

– Подожди меня у входа, я переоденусь, – получила она распоряжение от закусившего удила домогателя.

« Как же!» – с облегчением усмехнулась про себя Ксения, посмотрев вслед удаляющемуся парню. У ворот ее должен ждать Андрей. Она оглянулась к двери, где стоял архивариус, собираясь проститься с ним, но коридор оказался пустым. В глубине он заканчивался глухой стеной с какой-то

крошечной дверцей но нормальному человеку в такой проем трудно пролезть, к тому же она, похоже, была заколочена.

– Ну, прямо нечистая сила!

Времени на удовлетворение любопытства уже не оставалось, и Ксения бросилась к выходу, чтобы опередить своего новоявленного сексуального спонсора. На крыльце она услышала настигающие ее быстрые шаги, но, к счастью, Андрей уже вышел из-за ограды и Ксения, с разбегу, влетела в его объятия. Жених явно не ожидал такой горячей встречи и моментально просчитал ситуацию.

– Что, пристают? – окинув взглядом двор, спросил он.

– Да ерунда. Не стоит внимания, – отмахнулась Ксения, но оглянулась.

Двор был пуст. Вероятно, претендент, не был окончательным дураком.

Коклюшкина отыскала Ксению на третьем этаже. Та сосредоточенно возила шваброй по полу кабинета, из которого предварительно эвакуировала в коридор всю публику. Инспекторша с удовлетворением убедилась, было, что строптивая работница в положенной ей униформе – халате-балахоне и резиновых сапогах. Сапоги, правда, сильно напоминают модельные (и где только отыскала!). На голове повязана белая тонкая косынка в крупный горошек. Горошек, конечно, под цвет глаз… Закончив контрольный осмотр с общей неудовлетворительной оценкой, кадровичка коротко бурк-

нула:

– К телефону…

Ксения, оставив швабру, отправилась в отдел кадров, размышляя по дороге, кто бы ее мог разыскивать. Разве что Женя… Она не ошиблась. Подруга, оказывается, вся ночь не спала, переживала, как прошел спектакль.

– Результат нулевой, – со вздохом, отчиталась Ксения.

– Я так и знала, – не удивилась Женя. – Мы пошли не тем путем, Я все продумала, полистала тут кое– какую литературу, и поняла, что мы допустили стратегическую ошибку. Все надо ставить на научную основу… Приходи сегодня, после работы, ко мне, мы с тобой все обсудим.

– Хорошо, – почти равнодушно ответила Ксения и повесила трубку.

Шансы оживить Корнилыча ей уже казались призрачными. К тому же назревали новые события, которые она пыталась оттянуть, но которые Андрей в ответ на ее невнятные отговорки продвигал с еще большим энтузиазмом. В результате счет оказался в его пользу – день регистрации уже на следующей неделе…. Все же, после работы, она отправилась в Купчино. Скорее, чтобы отвлечься от мыслей о надвигающейся расплате.

Ничего особо нового Ксения от Жени не услышала – по ее словам они не учли психологию зрелого мужчины, которому нельзя просто повесить кое – что на нос, в нем сначала следует возбудить воображение, вызвать желание, а это нау-

ка тонкая. Основной стимул для него не обнаженная натура, а переходные моменты, как бы намеки… Недосказанность, элемент загадочности, вот что нужно. Ведь фантазии человека всегда богаче действительности. Это же из жизненного опыта понять можно. Почему впечатление от художественной литературы многократно эффектнее, чем самая удачная экранизация?! Тот же принцип. Ожидание прекрасного всегда прекраснее самого ожидаемого…

– О! – удивившись собственным импровизациям, округлила глаза Женя. – Меня уже можно цитировать.

– Цитаты потом, – поторопила подругу Ксюша. – Давай ближе к делу…

– Вот ты представь, ты неспешно выходишь так, из-за какого– то угла, на тебе длинное свободное платье из тонкой ткани пастельных тонов. И откуда-то со спины, и чуть сбоку, падает рассеянный свет. Под платьем, конечно, у тебя ничего или почти… И твое тело вырисовывается немного размытым изображением в ореоле этой, ткани, которая становится как бы воздушным футляром…

– Понятно, – хмыкнула Ксюша. – Деликатес в полиэтилене.

– Ну, – отмахнулась Женя. – Не так грубо. В общем, выбирать нужно ткань на месте.

– Послушай, кутюрье, я все понимаю, но у меня на это просто нет денег. Еще эта свадьба… Хоть все расходы и берут на себя родители, но не могу же я включить в их счет

еще и неглиже, чтобы наставить рожки их сыночку.

Женю, однако, уже было не остановить.

– Я дам тебе в долг. У меня есть заначка. Собиралась в круиз, да и черт с ним.

Колесо закрутилось. Витрины, прилавки, тряпки… Уже поздно вечером они, в ванной, сделали окончательную примерку. Женя выскочила в комнату раньше, выключила люстру а когда Ксюша появилась на середине комнаты в одеянии кремового оттенка, включила торшер, который оказался «за ее спиной и чуть сбоку». Посмотрев на подругу, она всплеснула руками.

– Мама, посмотри, какая прелесть! – возопила она.

Над спинкой кресла, что стояло перед телевизором неожиданно показалось заспанное лицо «маман» – она, оказывается, была дома.

– Хоть щас на панель, – оценила Алла Ивановна, мотнув головой.

– Ни хрена она не понимает, – отмахнулась Женя. – Не на панель, а на руки любящего мужчины и…, – потянула она.

– В сточную канаву, – с досадой подсказала Ксения.

– Да ну, тебя! Ведь тебе же надо только поставить его на колени. Поточить коготки.

Ксюша в напряжении округлила глаза. А действительно, что ей, собственно, надо?

За чашкой чая, когда страсти поостыли, и приобретение перестало казаться таким прекрасным, Ксюша высказа-

ла первое сомнение:

– Ну и где мне его одевать? Может появиться в нем из-за стеллажа со шваброй в руках?

– Глупая! – рассердилась Женя. – Его можно и на вечеринку и в театр и где угодно… А почему бы и не мелькнуть в архиве, не со шваброй, конечно… Надо только определиться на месте. Я к тебе загляну…

– Нет-нет, не надо! – всполошилась Ксения.

– Почему? – не поняла Женя.

– Да сама я…, – опомнившись, промямлила Ксюша.

Женя фыркнула, но ничего не сказала.

Было уже поздно, когда Ксения отправилась в общежитие, хотя Женя пыталась ее удержать. Маманя все равно в отрубе, возникать не будет. Ксюша сослалась на то, что в таком случае от ее вещей не останется и сумки. Платье она с собой не взяла. Тоже из соображений безопасности.

К концу следующего дня вместо Андрея, который застрял где-то на стрельбах, явилась-таки Евгения. Ксюша приготовила табличку «закрыто на ремонт», которую намеревалась повесить на дверь архива, но не успела. Проныра конечно же в первую очередь побывала в архиве и теперь вкатилась, задыхаясь от смеха, прямо в ее кладовую, где Ксюша складывала орудия труда и собиралась накинуть крючок, чтобы переодеться. В руках у Жени был большой полиэтиленовый пакет.

– Ну, я валяюсь! – предупредила она с порога – Зашла я в архив посмотреть на Аполлона…оно как раз вылезало из-за стола. Натуральный Квазимодо из «Парижской богоматери». Если бы не посторонилась, он бы меня смел. Там еще мрак такой – я даже не рассмотрела его толком. Рванула в обратную сторону. Есть там конечно уголок интересный – это угол стеллажа, что у окна. Из него как раз падает свет, какой нужно, но ради чего? Хотя вместе вы могли бы сняться в новой версии «красавица и чудовище». Без грима. Ну не знаю, флаг тебе, конечно, в руки…

– Флаг придется поставить в угол, пока, – уныло ответила Ксюша.

– Что же так?! – удивилась подруга.

– Как будто не знаешь. Через пару дней отпевание.

– Свадьба?! Значит, не раздумали?

Ксения не ответила.

– Вот и надевай это платье в загс. Вполне сгодится. Там этого теневого театра будет под завязку. Придешь из дворца с мужем и вереницей потенциальных… Все остальные причиндалы, вроде фаты там, всяких короночек…

– Все есть, – вздохнула Ксения. – Не думала, что эта процедура будет нагонять на меня такую тоску. Предчувствие, наверное. Ничего путного из этого не выйдет.

– Ну, это уж как на роду написано, – неожиданно ударилась в философию Женя. – Вот я принесла платье, возьми. Надо еще, наверное, что-то где-то подогнать, но на твоей фи-

гуре все и без того в лучшем виде…

Ксения заглянула в пакет.

– Придется оставить здесь.

– Боишься брать в общежитие?

Подруга хмыкнула.

– У меня каждый день что-нибудь тащат. Сначала джинсы, теперь кофточку мою, самую любимую, стибрили…

– Вот подонки! – взвилась Женя. – Возьми меня в этот рассадник, я там быстро разберусь, кто есть кто. Отыщем все твои тряпки в большем количестве, чем пропали. Хочешь, ребят подключу!

– Нет, нет, – зачастила Ксения, кистями обеих рук отгораживаясь от подруги. – Ничего ты там не найдешь, а мне осталось всего пару дней там откантоваться. Черт с ними, с тряпками!

Официальная программа бракосочетания, из-за того, что их втиснули в график вне очереди, прошла кувырком. Ксения даже не успела ничего понять – куда то втолкнули, где-то за что-то расписалась, что-то скороговоркой продекламировали… Лишь фотограф затормозил их на минуту на парадной лестнице, и она получила возможность хотя бы оглядеться и заметить роскошь внутренней отделки. Затем их пригласили в зал просмотреть видеозапись. На экране Ксения никак не могла узнать себя, а Андрей почему-то был небольшого роста, губастый и в очках. Потом оказалось, что это не их кассета и что их вообще не снимали, так как не было

заявки. По помещениям дворца шарахались всем стадом, в котором Ксении были знакомы лишь две – три физиономии. Тем же скопом завалились в квартиру к банкетному столу.

Но сюрпризы начались еще раньше и первый, с раннего утра, преподнесла лучшая подруга. Она прислала букет роскошных цветов с открыткой, где поздравляла новобрачных и просила прощения, что по состоянию здоровья не может принять участия в празднике и что дарит ей то платье, в котором она красуется сейчас.

Ксюша попыталась до нее дозвониться, но к телефону никто не подошел. Настроение, и без того сомнительное, было испорчено окончательно. Вероятно потому, вечеринка показалась какой-то обыденной пьянкой, не имеющей к ней никакого отношения и, когда ее доставали требованием принять хоть какое-то участие, Ксения терялась.

Публики собралось на удивление много. Приехали родители Андрея – аборигены из Лодейного Поля, прихватив с собой еще пяток родных (Андрей не упустил случая упомянуть, что российский флот зарождался в их городе – еще сам Петр закладывал там, на судоверфях, первые ладьи…Ну, насквозь моряк!). Понравилась ли она новым родственникам Ксюша не поняла, но держались они с ней довольно уважительно. Вероятно, не могли даже представить, что их рассудительный Андрей, их надежда и опора, мог выбрать себе в жены что-то недостойное. Ксения, впервые, в тот вечер задумалась над странностью его выбора. Уж чем-чем, а гаран-

тиями надежности их семейного союза с ее стороны не веяло изначально. То ли он принял ее как полуфабрикат, из которого еще предстоит приготовить фирменное блюдо, то ли за зеленый томат, который следует лишь некоторое время выдержать, чтобы созрел. По крайней мере, какая-то странная терпимость к ее выходкам имела место быть. Да и черт с ним. В любом случае сам он – не худший вариант. Ведь очень даже может быть, что и он, не слишком терзается любовным пылом. Правда, остается открытым вопрос, зачем тогда ему вся эта комедия? Или такие усредненные отношения и есть тот золотой рациональный подход к созданию долговременной семьи…На этой мысли Ксюше едва не стало дурно.

Была на вечеринке и представительница от организации, где делала ослепительную карьеру Ксения – конечно же, инспектор отдела кадров, вездесущая Коклюшкина. Она лично оформляла ей краткосрочный отпуск, в связи с неординарным (с ее точки зрения) событием. Сама предложила, и сама проголосовала за свое участие в свадебной церемонии. Ксюша в голосовании приняла ее сторону. Одной вороной больше, одной меньше…В порыве воодушевления Коклюшкина предупредила, что, согласно приказу о приеме Ксении на работу, она числится не оператором поломоечного манипулятора, а лаборанткой НИИ.

– Не наоборот? – попыталась сострить Ксюша.

Коклюшкина решив, что шутка не для среднего ума не стала напрягаться.

Отсвечивали в углу и курсанты с каким-то офицером старшего чина и более старшего возраста, который все время пялил на нее глаза. Представители от Морфлота выделялись примерным поведением (не считая лупоглазого), безупречно наглаженной форменной одеждой и скромностью в потреблении спиртного. Наверное, потому вечеринка прошла скучно и даже без драки.

Некоторое оживление в унылую атмосферу свадьбы внесла мать Ксюши, явившаяся по вызову телеграммой (телефон ее как всегда не отвечал) и без предварительного предупреждения. Шубутная и непоседливая она совалась всюду, где ее не ждали и везде с какими-то казусами. После того, как она пересолила цыпленка табака, которого не ей поручали приготовить (но очень хотелось) и разбила только что подаренную хрустальную вазу, в которую натолкала цветов, забыв налить воды, она ненадолго угомонилась. Но, под воздействием алкоголя, вновь распоясалась, и вся честная компания полвечера вынуждена была слушать ее громогласные мемуары о собственных проказах в молодости, в достоверности которых никто не усомнился. Ксения дважды выводила ее в прихожую, читала нравоучения, но особого действия это не возымело. Некоторое время ей пыталась создать конкуренцию Коклюшкина, но быстро сошла с дистанции, успев лишь вынудить молодоженов под вопли «горько» пару раз поцеловаться, и произнесла путаный тост, в котором чаще всего поминались деньги. Ее попытка внести репертуар за-

стольных песен была сметена инициативой Ксениной матери, оказавшейся, на беду, еще и песенной энциклопедией.

Вечер закончился хоровым исполнением приемлемых для всех возрастов шлягеров и танцами необъяснимой хореографии. Шумовое отделение закончили еще до полуночи – квартира Андреем была арендована по наводке тетки из отдела кадров, и как отнесутся соседи к празднику, посреди рабочей недели, было неизвестно. Благоденствия Коклюшкиной этим не ограничились. К концу вечеринки она отвела Ксению и преподнесла главный сюрприз – Михаил Корнилыч, архивариус НИИ, живет один в двухкомнатной квартире. Правда на первом этаже, в старом фонде и дом давно не ремонтировался, но на временное жилье вполне сгодится. Она замолвит словечко. Правда ей это будет кое-чего стоить… Ксения расцеловала разомлевшую тетку, несмотря на ее прозрачный намек о том, что все услуги нынче платные.

Родители Андрея уехали в тот же вечер. Мать Ксении до утра сидела с ними на кухне, пила кофе, болтала, и время от времени порывалась спеть «Соловьи поют, заливаются…»

На другой день они проводили ее на автовокзал. На перроне она пространно извинялась, что, наверное, не очень прилично вела себя, обещала компенсировать причиненный ущерб. Вероятно, Ксения с мужем не очень настойчиво убеждали ее в том, что никаких претензий у них к ней нет, потому что, в заключение, маманя заявила, что, собственно, ничего особенного и не произошло. Подумаешь, попели

песен, да поплясали… Кому какое дело, а если кому-то не нравится… Чтобы притормозить родительницу Ксения уныло спросила, почему она, со своей неуемной энергией, не выходит замуж. Та быстро взглянула на дочь, пожала плечами и заявила, что после ее отца ни на кого размениваться не хочет. Дочь скользнула взглядом по маленькой щупленькой фигуре матери и понимающе улыбнулась… Отец Ксюши умер рано, когда она училась еще в средних классах, и это был самый родной для нее человек. И, наверное, для матери тоже. По крайней мере, та, после его похорон, как-то растерялась (привыкла жить с ним «как за каменной стеной»). Она не скатилась до подвалов, но организовать собственное существование оказалась не способной. Для нее вдруг выяснилось, что возможности и желания могут быть трудно сопоставимыми, что иногда находятся деньги на банку дорогого кофе, но уже не хватает на батон. Иногда все пособие спускалось за один вечер на день рождения любимой кошки Юльки. Внезапные экономические провалы шокировали ее, но никогда ничему не учили. Придя в себя, она вновь принималась активно бороться за существование, с тем же результатом – все начатое оставалось недоделанным, не достиранным, не доклеенным… Найти мужика, который мог бы собрать ее в кучу, вряд ли было возможно. Нужен был опекун, а нынче мужики, чаще всего, сами нуждаются в поддержке штанов…

На автовокзале решили не толкаться, а сразу вышли к по-

садочным площадкам. Погода была не солнечной, но и без дождя. Ветерок потягивал прохладненький.

– Еще будут теплые денечки. Бабье лето впереди, – убежденно предсказала мать.

Подача автобуса почему-то задерживалась и Ксения, боковым зрением заметила, что Андрей, как будто начинает нервничать. На лице его ничего не менялось – дежурное, почтительно-приветливое, но на месте он уже спокойно не стоял – или топтался или вышагивал к стенду с картой области, якобы посмотреть, далеко ли до Кингисеппа, потом возвращался обратно, снова топтался. Сначала она решила, было, что у него физиологические проблемы и тихо посоветовала сбегать за угол. Он посмотрел на нее с осуждением и тогда она поняла –причина в том, что ее шалопутная мамаша сорвала им минувшую ночь, которая, по идее должна была быть первой брачной, на которую он, согласно свеженькому документу теперь имел право рассчитывать, но, в квартиру, которую они сняли на время вечеринки, вот-вот вернутся хозяева отсюда и все нервы… Наверное мамане и в голову не приходило, что первая брачная ночь для молодоженов, может быть после свадьбы. Все нынче с нее начинают. Да она и сама, в далекой молодости не тянула с этим делом … Где ей было знать, что ее дочь с такими причудами. Несмотря на эксцентричность, она все же заподозрила что-то неладное и, как только автобус появился на платформе, тотчас принялась их прогонять.

– Да, ничего, – отмахнулась Ксения. – Нам торопиться некуда. Вся жизнь впереди. Все успеется, – больше мужу, нежели родительнице объяснила она свое нежелание уходить.

К явной радости Андрея автобус тронулся сразу же, как только последний пассажир скрылся в салоне, и плавающая дверь прихлопнула коробочку. Удивительно, как он его еще не поцеловал… По дороге к трамваю он никак не выразил неудовольствия поведением Ксюши, только предложил взять такси. Джентльмен… А может рассчитывал все же успеть. Тормозить дальше наступление неизбежного было бы перегибом и Ксюша, обречено, кивнула в знак согласия.

Фортуна видимо в тот день склонялась симпатиями в ее пользу, потому что хозяева квартиры, где они праздновали, уже оказались дома и открыли им дверь, к которой молодожены принялись, было, подбирать ключи. Не оставалось ничего, как поблагодарить за услугу, расплатиться и взять уже выставленные в прихожую дорожные сумки.

У подъезда того же дома посидели на скамейке. Ксения посмотрела на сумрачное лицо Андрея, и ей стало его жаль.

– Ну, пойдем в подвал, – предложила она. – А что, там молодежь как-то устраивается. Можно стоя, можно сзади…

Андрей покосился на нее как на умалишенную.

– Ну, тогда давай переночуем сегодня у Жени, я ей позвоню, а завтра заселимся в комнату к нашему архивариусу. Я думаю, Коклюшкина его уговорит. Ну не идти же нам в об-

щежитие и ты, как я понимаю, хотел бы, чтобы это было хотя бы относительно прилично…

Андрей ничего не ответил, но молча поднялся и взял обе сумки.

Женя открыла им дверь сама. Не ответив на приветствие, она в первую очередь осмотрела вчерашнюю невесту, заставила повернуться всеми сторонами.

– Все о, кей! Платье просто прелесть…Так оно идет тебе! – воскликнула она поцеловав Ксюшу и грациозно протянув руку Андрею. Ксюша даже подумала, что подруга в школьные годы, наверное, участвовала в каком-нибудь, драмкружке.

– Я свою маман отправила ночевать к подруге детства. Устроитесь нормально, а сама я…, – Женя запнулась, заметив, что Ксюша ей подмигивает из-за плеча Андрея, который не обращая на подруг внимания принялся стаскивать с себя пиджак.

– Не могу привыкнуть к гражданской одежде, – пробормотал тот. – Как будто не мой размер.

Женя предложила ему тапки, а сама, затащив Ксению за угол, вопросительно посмотрела на нее.

– Никуда вообще не уходи. Отметим немного. У нас еще и водка и шампанское осталось. Даже закуска. Мать мне ее в банки натолкала, – тихим, но твердым голосом пояснила Ксюша.

– Но вы же…

– Но мы же…Успеется…Все успеется. Мне надо только позвонить. Потрошите пока сумки, но сначала ответь мне, как ты, подлая, могла не прийти на свадьбу? Подруга, называется…

– Я все тебе объясню. Я, в самом деле, была больна, и сейчас еще не очень… Мне пришлось принимать такое лекарство… не совместимое с алкоголем. А что я буду вороной на гулянии. Себе и людям в тягость.

Ксения с недоверием посмотрела на Женьку, махнула рукой, и взглянув на часы, набрала номер телефона Коклюшкиной, который был записан на использованной салфетке. Дождавшись соединения извинилась, объяснила, что хозяева квартиры вернулись, и им пришлось сняться. В никуда. Хорошо бы завтра в субботу заселиться к Корнилычу, если он согласен… Может быть ему заплатить вперед? Деньги у них есть. Коклюшкина похихикала и принялась рассказывать о том, как нелегко далась ей эта миссия, как он долго не соглашался, и пришлось сочинять всякие трогательные истории о неприкаянной молодежи, которая вынуждена начинать семейную жизнь с подвалов, где процветает наркомания и проституция. Ксения в тоске закатила глаза к потолку, и прервала ее страстные речи обещанием, что, конечно же, они не останутся перед ней в долгу. Это несколько продвинула ситуацию к разрешению, а после того, как Ксюша назвала определенную сумму «благодетельница» тотчас объявила

итог – конечно, он согласен!

Ксения пришла к уже почти накрытому столу сияющей. Праздник продолжился, но у нее было ощущение, что он только начинается. Женя, как всегда, была говорливой и остроумной. Но, как никогда, воздержанной к алкоголю – выпила лишь фужер шампанского, что не стимулировало к возлияниям и остальных, потому все пили мало, больше «нажимали» на десерт и гоняли свежие магнитофонные записи.

Спать Андрея уложили на раскладушке. Женя с Ксюшей устроились на диван-кровати. Женя принялась, было гримасами провоцировать Ксюшу на то, чтобы та легла с мужем (раскладуха – это законное ложе хозяйки), но кулак подруги под ее носом разрешил все разногласия.

Еще с полчаса они шептались, перебирали всякую мелочь. Андрей, сосланный в дальний угол уже давно дышал размеренно и едва слышно, как дышат спящие без сновидений люди, когда подруги, наконец, исчерпали все темы и, расслабившись от тепла и уюта, решили что пора спать. Женя повернулась на бок, лицом к Ксении, которая все еще рассматривала потолок, сначала обняла ее, потом скользнула рукой по сорочке, по крутой груди, потрогала сквозь тонкую ткань встревожившиеся соски.

– Мы уже настроены на подвиги с любимым супругом? – шепотом выдохнула она Ксении в ухо.

Ксюша едва заметно улыбнулась.

– Не с ним, – чуть слышно прошелестел ее голос.

Беспокойные пальчики Жени проползли до колен, нырнули под подол сорочки, едва касаясь кожи, скользнули к животу, потом снова стали сползать вниз и неожиданно оттянув слабенькую резинку, оказались на заволновавшемся бутоне. Один пальчик, словно невзначай, скользнул во влажную ложбинку, притиснул и шевельнул разбуженный пестик.

По телу Ксюши пробежала судорога.

– О, да мы уже готовы принять и самого волшебника…, – зашептала Женя.

Ксюша, легонько ткнув Женю кулаком в бок, скомандовала:

– Спи, не заводи меня.

Женя, вздохнув, убрала руку и отвернулась к стене.

Заселяться решили с утра – Андрею надо было успеть в свою школу, ему предстояли последние экзамены. Переступив порог общежития в последний раз, Ксения обнаружила, что богадельня сильно преобразилась. Комната стала намного уютнее и как будто меньше размером, даже воздух показался ей чище. Голубизной отсвечивали свежие стекла в отремонтированных оконных рамах. Комендантша, не изменившись внешне, встретила ее куда приветливее, чем обычно… В разгар иллюзий она столкнулась с Ритой. Та, почему-то шарахнулась в сторону.

Ксюша хотела, было подойти к ней, чтобы проститься, но знакомый запах любимых духов погасил это желание.

Выйдя на крыльцо, Ксюша поставила сумку с не приглянувшимися местному населению тряпками и с воодушевлением перекрестилась.

– По-моему ты крестишься неверно, – заметил ожидавший ее муж.

Ксюша усмехнулась.

– Да хоть ногой, только бы не войти в эту дверь еще раз.

Андрей кивнул и подхватив ее сумку направился в сторону темной «Волги», которую он вызвал, пока она собиралась.

Вещи обоих вполне уместились в багажнике такси.

– Корнилыч не сразу согласился сдать нам комнату, – сообщила она уже в машине. – Но, наша кадровичка, что репей. Уломала. Говорит, что он целый день раздумывал. Придется ей выдать гонорар… Я обещала… Ключ у него один. Самим придется изготовить второй…Сейчас он должен быть дома.

– Я же предлагал тебе другие варианты… Он алкоголик?

–Нет, что ты! – встрепенулась Ксюша, удивившись даже самому предположению. – Только чай и то без сахара. Даже кофе игнорирует…А другие варианты…зачем? Там и трамвайная остановка рядом. На работу без пересадки…Не надолго же.

– На два-три месяца.

– И всего-то…Ну вот, видишь, – почему-то безрадостно пробормотала Ксения.

Подъезд дома, который назвала Коклюшкина, оказался со двора, сразу за низкой и глубокой аркой. Поставив саквояжи

на асфальт, они осмотрели окна предполагаемой квартиры. На трех, справа от входа и до угла дома одинаковые занавески. Андрей посмотрел на жену.

– Это даже не первый этаж, а какой-то нулевой. Подоконники по …это место.

– По западным стандартам так и есть. Боишься что ограбят?

– Да нет. Мне то все равно. Тебе же страшно по ночам будет. Иногда придется оставаться одной. Я же не всегда буду рядом.

– Почему одной-то, с мужчиной.

Андрей усмехнулся.

– Имеешь в виду хозяина? Ну, если кого отпугнуть…

– Ты-то откуда знаешь?! Видел то его только раз, и то издали. Конечно, это не сокол, как у меня муж, это другое …

Пояснить, что это другое она не смогла, но когда дверь на их звонок открылась, Ксения поняла, что открыло им дверь именно «что-то другое». Архивариус предстал в таком образе, какой можно встретить только на карнавале огородных пугал. Мешковатая, неопределенная по фасону одежда с дурацким колпаком, накинутый на плечи и свисающий до пола старый плед, один угол которого, явно прожженный утюгом, очки на кончике носа в желтой роговой оправе, склеенной посредине грязным пластырем, Тапки, разного цвета и размера… Ксения даже не сразу узнала его.

– Вы…, – икнула она,– это мы…

Архивариус продолжал стоять в проходе, словно для того, чтобы дать возможность гостям по достоинству оценить свой сногсшибательный вид. Наконец, не глядя на пришельцев, кивнул головой, и едва внятно проворчал, что их комната по коридору за углом. Затем развернулся и неторопливо скрылся за дверью. Ксения сверкнула глазами ему вслед.

Рассчитывал напугать до смерти? Ну, это еще вопрос! Кто здесь мышка и кто кошка он еще узнает!

Коридор (он же кухня) поворачивал вправо и там, в полутемном закоулке они, не без труда нащупали дверь. Комната оказалась небольшая, вытянутая от двери к окну. Вдоль правой стены кровать, с никелированными спинками, над ней ковер, точнее тряпица с потускневшим узором. У левой стены тумбочка и два стула. Ксения опустила глаза. Пол дощатый, крашенный. Она прошлась по половицам. Скрипят. Обои на стенах желтоватые с выцветшим рисунком. Свет в дефиците – единственное окно небольшого размера и то задернуто уже знакомыми занавесками.

– У нас в казарме поуютнее, – пробормотал Андрей.

Ксюша едва не вспылила, но сдержалась и бодрым голосом пообещала:

– Перекантуемся. Я здесь сделаю маленькую революцию. Начнем с кровати. Ее надо поставить поперек, спинкой к ковру.

Андрей подергал за никелированный шар.

– Она же расшатана. Будет стучать.

– А мы сейчас и попробуем, – заявила Ксения и вздохнула про себя «Когда-то же надо начинать…»

– Не-е. Мне же на занятия. Переставить то помогу.

Ксюша не возразила.

– Ну, хоть это…

Вдвоем они с грохотом и скрежетом развернули брачное ложе. Андрей снова пошатал спинку.

– Достает. Надо немного отодвинуть.

– Не надо, – решила Ксюша. – Там ковер. И потом, небольшой оживляж …никому не повредит. Будет как искусственное дыхание…

Андрей покосившись на раскрасневшееся лицо жены недоуменно пожал плечами и отправился на выход.

– Не боишься оставлять меня наедине с мужчиной? – спросила Ксения вслед.

Андрей хохотнул.

– Я еще не на учете.

В голосе даже интонация возмущения. Действительно, как это она могла подумать, что у него не все дома.

После ухода Андрея Ксения посидела на краю постели, попрыгала, проверяя матрац. Скрипучий. Что надо! Вообще вся комната сплошной орган. Любое движение сопровождается каким-то звуком, и все они должны звучать полными аккордами. Дьявол во плоти – возомнил о себе!

Немного успокоившись Ксюша решила осмотреться более обстоятельно. Подойдя к окну, она отодвинула занавес-

ки, выглянула в дворик, через который они только что проходили (с Андреем), замкнутый домами со всех сторон, не очень большой, но чистенький, потом отправилась осматривать бытовые помещения общего пользования. Кухня в коридоре определялась газовой плитой и столом универсального назначения. Над столом деревянная полочка с несколькими тарелками и эмалированной кружкой со щербинкой. На полу линолеум, судя по неровностям, постеленный прямо на доски. Как и в их комнате… В углу помещения ее заинтересовало пространство, задернутое полиэтиленовой шторой белесового цвета. Ксюша отодвинула ее и обнаружила душевую кабину. Пол кабинки выложен керамической плиткой с бортиком. Все сооружено аккуратно, тщательно, наверное, самим хозяином. Единственное, что не понравилось здесь Ксении отсутствие автономного освещения. Свет в кабину попадал от общего светильника – матового стеклянного шара и не создавал никакого эффекта. Ксения подумала, что это не правильно и решила при случае поправить это упущение.

Затем она подошла к окну, точной копии того, что в их комнате, отодвинула такую же занавеску и выглянула все в тот же двор. Отступила назад и обнаружила над окном, на гвоздике ключ, вероятно от входной двери. Довольно солидный. Наверное, и замок надежный. Она перевела взгляд на входную дверь справа, потом на левую, ведущую в комнату хозяина. Обе обшиты кожзаменителем черного цвета. Мож-

но перепутать. А можно сделать вид, что ошиблась. Почему бы и нет? Ксюша не раздумывая долго, потянула ручку левой двери. Не заперта. Она раскрыла ее шире и увидела настоящий филиал архива. Небольшого размера комната завалена бумагами. На диване у одной из его спинок свалены в кучу постельные принадлежности. Над ним как ковер картина без рамы – каменистый берег с округлыми валунами и неожиданным двухэтажным особнячком эпохи Ренессанса на возвышенности. Пейзаж можно было бы принять за средиземноморский (где-нибудь у берегов Италии), но бревенчатый колодец с «журавлем» у тропы жестко привязывал его к России-матушке. У стены противоположной от Ксении два кресла, похожие на громоздкие стулья, с резьбой и золочеными наконечниками на подлокотниках. Тоже антиквариат. На третьем за столом, напротив окна с задернутыми занавесками сидело их органичное дополнение, правда уже в приличной одежде, побритое и причесанное. Словно это не он открывал им двери полчаса назад. Сомнение развеивали супер-очки, торчащие из мусорной корзины.

Ее появление то ли осталось незамеченным, то ли по мнению хозяина не стоило внимания, но он не сделал никакого движения и не издал ни звука.

– Ах, извините, перепутала двери, – прикинулась Ксюша. – Почему они у вас все одинаковые?

В ответ – тишина.

– Я должна с прискорбием сообщить вам, – уже более

твердым и громким голосом продолжила Ксения, – что мы остаемся. Так что ваш театр…

Архивариус, наконец, поднял голову, но посмотрел почему-то не на квартирантку, а на занавески. Затем, так ничего и не ответив, снова опустил лицо к своим иероглифам.

– Второй ключ я при случае закажу в мастерской … А горячая вода у вас в душевой есть?

– Бывает… Я работаю, – наконец услышала она.

– Я вижу, – не унималась Ксюша, – но нам не мешало бы знать, чем можно пользоваться, чем нельзя, как вести себя. Неплохо бы получить инструктаж. Сколько мы вам должны платить?

Хозяин отодвинул от себя книгу и откинулся к спинке кресла. Глядя в сторону окна и, выводя каждое слово, он продекламировал:

– Я не торгую жилплощадью. Делайте что хотите, только не мешайте мне работать.

Так много слов в такой небольшой промежуток времени ей еще не приходилось слышать от этого оборотня, и она вышла, уже с полной уверенностью, что крепость будет взята. Она его достанет.

Вечером Андрей вернулся с бутылкой сухого вина. С явным одобрением осмотрел преобразившуюся комнату, намытую, начищенную, посветлевшую от всяческих накидочек, занавесочек, рюшечек. Он не снизошел до дифирамбов,

но заметил, что в комнате даже появился аромат и какая-то аура, которую могут создавать только женщины.

Ксюша не обратив внимание на его комплименты обречено смотрела на вино в руках мужа и ясно сознавала, что день расплаты настал.

– Отметим заселение, – предложил супруг, выставляя бутылку на стол. – Может быть хозяина пригласим?

Ксюша с изумлением воззрилась на него.

– У нас что, будет групповуха?

Андрей порозовел лицом и хмыкнул. Ксюша, смягчив тон, добавила:

– Его не то, что из конуры не вытащишь, слова путного не добьешься.

– Экземпляр, – пробормотал Андрей и качнул головой. – Ты его не боишься?

– Он сам, похоже, напуганный. Сказал, делайте, что хотите… Вот мы и примем это к сведению.

Ксения поправила занавесочки, чтобы поплотнее прилегали друг к другу, включила маленькую настольную лампу, погасила подпотолочный светильник, стащила с кровати покрывало…Андрей бродил по комнате, как будто забыв, что собирался сделать в следующую минуту.

– Ты, наверное, ищешь штопор? Он в тумбочке. Там у меня столовый инвентарь. Там же и бутерброды.

Ксюша, не снимая халата, нырнула навзничь на постель и продолжила наблюдение за тем, как он долго не мог попасть

штопором в нужное место, как дернув штопор слишком резко вырвал его из пробки. Как, наконец, распечатав бутылку, разливал вино по фужерам и столу…

Затаившись, немного, приопустив веки она расценивала каждое его движение, опасаясь пропустить тот последний момент, после которого может быть уже поздно. Приподнявшись, она попросила Андрея принести ей фужер. Он подошел, протянул вино и Ксюша, продолжая следить за выражением его лица, поверх кромки стакана, выпила. Андрей еще не создавал впечатления агрессора, но глаза, которые он постоянно отводил в сторону и порозовевшие щеки предупреждали, что овощ созрел. Она решила, что время пришло и тянуть больше нельзя. Отставив опустевшую посуду на тумбочку, Ксения зажмурилась, словно пощупала ногой холодную воду, приподнялась и, обхватив мужа за шею завалила на себя. Кровать отчаянно скрипнула.

– Ему, наверное, все слышно, – пробормотал Андрей, но она стала стаскивать с него одежду, и тому ничего не оставалось, как молча принять в этом участие.

Освободившись от одежды, Ксения распахнула халат, рванула его на себя и уронила вожжи…

Некоторое время спустя, Андрей, видимо решив, что был не совсем в форме, бормотал, собирая разбросанные по полу вещи:

– Ты так шумно ведешь себя… Я даже не думал, что у тебя может быть такая реакция. Хоть бы музыку включила.

Ксюша сначала не ответила, рассматривая внимательно мужское тело, которое ей предписано терпеть возле себя. Вроде бы образцовая фигура, почти как на картинке… Она так и не поняла, получила ли удовольствие – только успела преодолеть неприятные ощущения до степени безразличных, как он «приплыл»… «Отстрелялся» – подумала она тогда, сама не понимая с облегчением или неудовольствием.

– Это не шум, это музыка жизни. Пусть привыкает.

– Выгонит он нас к чертям! – проворчал муж.

– Ничего не выйдет… Мы будем вести себя так, как хотим.

Ксения поднялась и, как была голая, направилась к двери.

– С ума сошла?! – Андрей швырнул ей вслед халат.

Ксения пожала плечами.

– В душ… Да он и при землетрясении не высунется из своей конуры, – проворчала она, но халат все же надела.

Вернувшись, Ксюша молча уселась за стол, включила фен, чтобы подсушить намокшие волосы и предложила Андрею достать из тумбочки бутерброды. Пора ужинать. Выключив фен, она немного понаблюдала за приготовлениями Андрея к трапезе и добавила:

– Надо купить в душевую какой-нибудь светильник. Там, об этот чертов порог можно ноги сломать.

– Купим, – согласился Андрей, не вникая в детали.

Повышенная тональность его голоса заставила Ксению поднять голову

Блеск его глаз подтверждал ее опасения. Правда, она до-

гадывалась, что одним эпизодом дело может и не кончится… «Нечего было вертеть перед ним голым задом» – с досадой подумала Ксюша.

Утром, перед уходом на работу, Ксения дернулась в комнату Корнилыча, чтобы решить вопрос с ключом, но дверь оказалась запертой. Закрытой оказалась и входная. Ключ обнаружился на прежнем месте, над окном.

– Не понимаю, – повернулась она к Андрею, вышедшему в прихожую-кухню следом за ней. – Если он уже ушел, как оказалась запертой входная дверь, а ключ на месте?

Андрей хмыкнул, подошел к двери, оттянул какую-то скобу и приоткрыл ее.

– Он ее просто захлопнул . Ушел еще до того как прозвенел будильник. Наверное, пошел на работу отсыпаться. Мы же устроили ему небо в звездах…

– Это ему на пользу! – хмыкнула Ксения.

В институте она заглянула в приоткрытую кем-то из вошедших сотрудников дверь архива, убедилась, что хозяин на месте, но заходить раздумала и в этот день там не убирала.

По дороге домой она сама выбрала в попавшемся на пути магазине электротоваров светильник с прищепкой и выключателем на проводе.

– Мне поярче, пожалуйста, – поставила она условие перед мальчишкой-продавцом.

– Если для подсветки, то вполне подойдет.

– Для подсветки, – подтвердила Ксюша.

Домой она шла торопливо, вспомнив, что единственный ключ у нее и архивариус скорее всего уже ожидает ее прихода у двери, хотя …он скорее отсидится до ее прихода в подвале…

У подъезда действительно никого не было. Пуста была и лестничная площадка. Ксения вошла в квартиру и обратила внимание на домашние тапки, аккуратно поставленные носками к двери ведущей в комнату хозяина. Обыкновенные, чуть стоптанные тапки одинакового размера и черной расцветки. До нее еще дошло и то, что оставленные так они свидетельствуют о том, что его нет дома или, по крайней мере, он хочет, чтобы так думали. Она прислушалась у его двери. Тишина. Рассердилась на саму себя – не мог же он попасть к себе через форточку. Или проникнуть сквозь стену…

Ксюша бросила свою сумку в комнату и, вернувшись в универсальную прихожую, принялась пристраивать светильник в душевой кабине. Закрепить его удалось на верхнем изгибе трубы. Затем она протянула провод до розетки, которая, на удачу, оказалась недалеко, щелкнула выключателем. Штора засветилась, но сквозь нее невозможно было ничего разглядеть. Ксения попыталась направлением светопотока добиться нужного результата – безуспешно. Лишь когда она включила душ, и первые капли попали на занавес, Ксюша едва не подпрыгнула от восторга. Есть эффект. Она сняла лейку с кронштейна, окатила штору сверху донизу, задерну-

ла ее и уже не удержалась от торжествующего визга – полотно стало прозрачным. Можно было различить не только краны и трубы, но даже мочалка выделялась белым овальным пятном. Выключив воду и свет, Ксюша сняла замок с предохранителя и шмыгнула в свою комнату, потому что кто-то уже скребся у входной двери. Она поняла, что это хозяин мучается на площадке в разрешении проблемы, как проникнуть домой, ни с кем ни повстречавшись…

Ксения пришла на работу намеренно раньше, чтобы застать Корнилыча, который снова сбежал из дома «ни свет, ни заря», но архив оказался закрытым и решила пока переодеться. Она всегда переодевалась в своей кладовой и закрывалась изнутри на проволочный крючок. Закрыла и в этот раз. Ксюша хорошо это помнила. Тем неожиданнее стало появление в ее коморке самодовольно ухмыляющейся физиономии Вадика. Видимо он решил достать Ксению окончательно. Попытки перехватить ее после работы постоянно проваливались – то она умудрялась ускользнуть за минуту до того, как он расставлял свои сети, то Андрей некстати появлялся на горизонте. Потому он и решил отловить ее до начала работы. Пока Ксюша еще тепленькая… В руках у Вадика что-то похожее на заточку. Видимо ею он и сбросил крючок. До появления публики не меньше получаса и вопить в пустой коридор бессмысленно. Прийти на помощь некому.

– Я тебя предупреждаю, Вадик, что так просто тебе не

дамся, – отступая и стараясь занять позицию повыгоднее прошипела Ксения. – Преподнесу тебе в подарок твой собственный член.

Тот, не оборачиваясь, прикрыл за своей спиной дверь и пошел на нее, все еще держа в руке свое оружие. Ксения мельком взглянула на железку. Похоже острая. Это усложняло положение. Ксения уперлась спиной в стену, вспомнив все, чему ее учили на курсах самообороны, на мгновение сосредоточилась и внезапно, с силой оттолкнувшись от опоры, ударом ноги отбросила Вадика к двери. Раскинув в полете руки, тот выронил свое оружие и оно, мелькнув в воздухе, с тонким звоном ударилось о стену. Сам Вадик, с выражением изумления на лице, на несколько секунд прилип в полусогнутом состоянии к углу. Выражение его лица сменилось на удивленное, потом злобное. Он сполз к полу, судорожно пошарил по нему руками не сводя глаз с намеченной жертвы и заточка снова мелькнула перед ее глазами.

– Сука! – прохрипел Вадик. – Я же тебя все равно достану.

С перекошенной физиономией он не производил больше того впечатления как в первый день. Ксения немного струхнула – перспектива быть изувеченной не прельщала, однако она отступать было поздно и она снова приняла воинственную позу. Сосредоточив все внимание на приближающейся фигуре ухмыляющегося врага, Ксюша не сразу поняла отчего еще раз сменилось выражение его лица. На этот раз на испуганно-недоуменное. Лишь его неестественное, движение

вспять подсказало, что кто-то пришел-таки ей на помощь. Когда агрессор, словно рак с растопыренными клешнями, вывалился в коридор, Ксюша увидела Корнилыча. Тот был поменьше ростом, чем Вадик, но коренастая фигура и угрюмое выражение лица производили должное впечатление. Он не сказал ничего, только пристально посмотрел разбойнику в глаза и тот замер. Потом Корнилыч отступил куда-то в сторону и Ксюша, по звуку шагов, поняла, что он удалился. Вадик уже без тени агрессии растерянно посмотрел на Ксюшу и пискнул:

– Откуда он взялся?!

Та измерила его презрительным взглядом, не удосужившись ответить, и захлопнула дверь. Ее все еще трясло от возбуждения, и она даже пожалела, что ей не дали расправиться с этим козлом. Под ногой звякнула заточка. Ксюша подняла ее. Обыкновенная пилка для ногтей.

Когда Ксюша переоделась и вышла в коридор, она тоже задалась тем же вопросом что и Вадик – откуда взялся ее спаситель? Неужели та самая дверца, в глубине? Она подошла к ней и попыталась открыть. Не поддается. Осматривая полотно из толстого крепкого дерева, Ксюша заметила какую-то блестящую металлическую кнопку, напоминающую шляпку гвоздя. Подцепив ногтем и вынув его, Ксюша потянула створки. Они распахнулись, и на нее пахнуло сыроватой прохладой какого-то жуткого темного тоннеля. Проем оказался не таким маленьким, каким виделся ей раньше, и

Ксюша при желании без проблем могла бы пролезть в него, но энтузиазма уже не хватило. Разглядеть что-либо в темноте было невозможно, и шорох, за спиной, вынудил Ксению захлопнуть дверцы и быстренько воткнуть гвоздь на место. Оглянулась. Коридор был пуст. Снова показалось?

Уже к концу дня Ксюша зашла в архив, но Корнилыч отрицательно мотнув головой дал понять, что убирать сегодня не нужно. Ксюша с любопытством подождала, что он еще что-нибудь скажет, но он снова опустил голову к столу.

Странно, но с того дня, как они стали жить под одной крышей Корнилыч, вопреки ее ожиданиям стал еще более замкнутым избегал ее панически и даже убирать архив позволял ей только изредка. И все же Ксюша чего-то ждала… Она сама не понимала толком чего. Какого-то необычного разрешения… Ксения уже ступила на порог, когда услышала все-таки его голос. Корнилыч попросил ее не брать завтра ключ, ему надо будет сделать копию….

Вечером Ксения легла в постель пораньше, взяла с собой какой-то любовный роман, вместо инструкции. Надо же было хоть как-то настраиваться на то неизбежное, что кто-то удачно окрестил супружеской обязанностью, чтобы ее исполнение если не доставляет удовольствия то, по крайней мере, не вызывало бы аллергию. Полистав с полчаса (без толку) книжонку отложила ее, включила маленький телевизор, который муж взял напрокат у кого-то из сокурсников перебрала все каналы, не нашла и там ничего любопытного и по-

пыталась уснуть. Не получалось. Возможно, мешал свет и шелест страниц – Андрей за столом листал свои конспекты. Да и засыпать не имело смысла – все равно разбудит.

Ксюша прислушалась к звукам за стеной. Тишина. Спит? Маловероятно. Ей кажется, что он никогда не отдыхает. Что же делает? Неужели продолжает копаться в своей бумажной трухе, даже когда Ксения всеми силами напоминает ему о том, что в жизни есть что-то более важное, более захватывающее и уж куда более приятное…По крайней мере должно быть…

Около двенадцати Ксюша не выдержала:

– Ложись спать. Лучше не дочитать, чем явиться на экзамен с бардаком в голове…

– Ты меня хочешь? – заинтересовался Андрей, собирая тетради и книги.

– Наверное, – пробормотала Ксения, отводя глаза и стараясь убедить себя, что это так и есть и что все происходит исключительно по ее воле и желанию. Это было важно для нее.

Андрей не заставил себя ждать. Быстро скинул одежду, выключил свет и нырнул под одеяло. Слишком шустро и кровать отозвалась, словно на органе взяли аккорд.

«Всегда готов!» –констатировала Ксюша, почувствовав ткнувшееся ей в бок доказательство его возможностей. Она мирилась, когда оно нуждалось в ее поддержке, но испытывала неприязнь, если из нерешительного его достояние превращалось в наглое и грубое. Тогда она противилась и не

стеснялась в высказываниях. На этот раз иронизировать не пришлось.

Отвалившись на край, Андрей что-то забормотал.

– Что? – не расслышала Ксюша.

– Да я, кажется, отодвигал кровать от стены, а она снова стучит.

– На стене ковер, – лениво напомнила Ксюша.

– Все равно… Если у него не было бессонницы, то мы ее организуем, – окончательно потерял инициативу муж.

– Ты же считаешь, что он равнодушен к такой музыке.

– Выгонит нас к чертям. Еще ты стонешь…

– Я?! Ну, знаешь, это происходит непроизвольно! – захлопала глазами Ксения.

– Конечно, в такую минуту не контролируешь себя, – пошел на попятную Андрей, не подозревая, что у супруги как в нотной тетради расписано не только количество вздохов, но и их громкость, тональность и даже протяженность.

– Ну ладно, спим. Завтра экзамен, – скомандовала Ксения.

– У тебя тоже? – хмыкнул Андрей.

– У меня он каждый день.

– Ну да. Муж и жена одна сатана, – пробормотал, засыпая супруг.

«Ну, уж нет» – подумала Ксения. – «Каждый сатана сам себе…»

Перед тем как заснуть Ксения прислушалась. Ей так ни

разу и не удалось услышать за стеной ни звука. Наверное, звукоизоляция в этом доме отменная. Хотя, может быть звукоизоляция тут ни при чем. Корнилыч и в своем архиве работает и передвигается словно приведение… И спит то, наверное, не дыша, если спит когда-нибудь вообще. Ведь она знает, что он вовсе не тот, каким предстает перед другими. Ксюша всегда чувствует, какое волнение исходит от его лица при ее приближении и эта паника, с какой он избегает даже ее взгляда и эти джинсы…Даже сейчас расстегивая и снимая их она едва не теряя сознание, слышит за спиной его прерывистое дыхание. Ксюша переворачивается на другой бок… Ничего, уже утром она снова встретится с ним. Оно наступает быстро, только стоит плотно закрыть глаза. Еще в блаженстве сна она чувствует пальчики рук скользящие по ее шелковистому телу, они дотрагивается до сосков груди, пробираются по упругому животу. И это его руки… Ноги ее слабеют она сползает с постели опускается на колени, и его глазами видит свою изящную поясницу, крутые округлости, раздвинутые бедра… От косо падающих лучей восходящего солнца кожа кажется особенно бархатистой, мягкие тени заполняют туманной дымкой впадины и расщелины, одна из которых, в главной пещере, уже приоткрыта и ждет своего альпиниста– археолога, чтобы он взял все накопившиеся сокровища. Она чувствует, что испытанная кирка уже занесена и вот-вот… Нет, не сразу… Жало предварительно касается того места, куда будет нанесен удар, он должен быть сильным

и точным и, одновременно, это касание, как пароль, как вопрос, на который стены пещеры отвечают нетерпеливой дрожью. Но инструмент этот не прост, он нежно разглаживает вход в пещеру в глубине которой скопились россыпи самородков, готовые от его прикосновений фонтаном вырваться навстречу, он раскрывается все шире, на подрагивающих, набухающих створках выступает испарина. Дрожь уже ощущается всюду – на крутых склонах, в ложбинах…И вдруг, контакт пропадает. Ксюша, с замершим сердцем почти физически осязает траекторию полета лезвия, его стремительное приближение. Веки невольно сжимаются, затем, одновременно с глубоким плотным погружением распахиваются до предела и в пространство вырывается долгий вскрик восторга и изумления…

Толчок в бок вернул Ксению в супружескую постель. Андрей уже одетый таращил на нее глаза.

– Ты с чего так стонешь?!

Ксения ответила не сразу:

– Откуда я знаю. Приснилось что-то…

– Ты встаешь?

– Я на флюорографию, – пробормотала Ксюша, закрывая глаза – Потом мне надо будет заказать копию ключа. Принеси мне его, там, над окном.

Минуту спустя она услышала, как Андрей звякнул ключом о поверхность тумбочки.

– Принес.

Ксения не ответила. Тело ее еще не остыло от возбуждения, и не было никакого желания даже открывать рот. Зато было желание испытать все привидевшееся наяву.

Поняв, по щелчку двери, что муж ушел, она откинула одеяло, убедилась, что ключ на тумбочке, сбросила пижаму, поправила перед зеркалом волосы, оглядела свою безукоризненную фигуру, разгладила постель и улеглась на живот, обняв подушку. Краем глаза она видела в зеркале свое отражение и, ориентируясь на него, долго корректировала положение, то отодвигая одну ногу до самого края, то вдавливаясь животом в постель, то приподнимая свой выразительный зад, то опуская руку до самого пола… Она увлеклась приготовлениями и когда услышала шум в коридоре, то вдруг струхнула, не слишком ли рискована затея? Вдруг архивариус маньяк и от приготовленной ею картинки у него съедет крыша? Ксюша зажмурилась. По мере того, как шаги приближались, сердце билось все чаще, и вдруг звук шагов оборвался. Пожалуй, еще мгновение и она не выдержала бы но раздался тихий, очень робкий стук в дверь и от сердца отлегло. Ксюша замерла. После следующего стука она услышала голос хозяина:

– Есть кто?

Потом дверь скрипнула и несколько секунд Ксения с нарастающим восторгом ощущала его затяжной взгляд, скользивший почти осязаемо по ее лодыжкам, икрам, ягодицам, рассыпавшимся волосам. Ей вдруг показалось, что он при-

ближается, и она от зашкаливающего нетерпения шевельнулась. Дверь немедленно скрипнула и сначала осторожные, затем быстро удаляющиеся шаги известили шантажистку о том, что Ромео в бегах.

На работе она появилась уже под вечер. В архив вошла сразу. Корнилыч, не поднял головы, но увидел ее, каким-то неведомым способом. Ксюша подошла к столу, и он застрял взглядом между строк. Ничего не говоря, она положила на рукопись, перед его лицом, ключ.

– Я сама сделала копию.

Он несколько секунд сидел молча, неподвижно, но Ксении показалось, что его бледное, словно маска лицо розовеет, словно он возвращается в жизнь из потустороннего мира.

– Я не знал, что вы дома. Думал, ключ забыли повесить и он в вашей комнате… Не делайте так больше…

Ксюшу порадовало последнее предложение. Первые слова были произнесены ровным голосом, без интонаций, но последние словно вырвались откуда-то …

– Чем же я вас напугала? Разве вы никогда не видели обнаженной женщины? Было немного душновато, и я открылась…

Ксения заметила, что лицо его порозовело еще больше, а черные глаза раскрылись так широко, что у Ксюши закружилась голова, словно она шагнула к самой кромке пропасти.

С работы она возвращалась не замечая дороги. Теперь

то она точно знала, что он живой, но оставалось жутковатое чувство опасности, которое, вопреки логике притягивало. «Доигралась!» – подумалось ей. «Чую с гибельным восторгом, пропадаю»…, в унисон настроению прохрипел откуда-то знакомый голос.

Пропал, однако, сам архивариус – домой в тот вечер он не вернулся. Не появился и на работе. Напрасно Ксения дергала запертую дверь архива. На ее вопросительный взгляд проходившая мимо кадровичка состроила гримасу «черт его знает!». Потом озвучила предположение, что до понедельника он вряд ли появится, сегодня пятница.

Андрей к концу дня встретил ее как всегда у ворот института, но не с обычным сдержанно-чопорным видом, а явно воодушевленный. Ксения сначала ничего не поняла и с недоумением посмотрела на розовую иномарку рядом с которой тот стоял, решив, что предстоит какая-то поездка, но просчиталась – он шагнул ей навстречу и взяв за локоть повел к трамваю.

– Ну, что у тебя?

– У нас сегодня прошло что-то вроде последнего звонка, – растягивая слова, пояснил он. – Учеба, считай, позади. Завтра решили организовать маленькую пьянку. Почти на природе. Наш руководитель зафрахтовал сауну на окраине города, практически в лесу. Ты его знаешь, он был на нашей свадьбе. Как ты на это смотришь?

Ксения как раз смотрела в другую сторону и не сразу по-

няла, о чем идет речь.

– Никак. Это же будет что-то вроде мальчишника. Мне там нечего делать.

Андрей, видимо, не ожидал такого ответа.

– Ничего подобного! Ребята собираются взять и своих женщин, девушек… у кого кто есть.

Ксения насмешливо взглянула на него.

– Вряд ли своих. Какой им интерес таскать свои самовары на экзотику?…Уж что-что а мальчишник представить себе не трудно…Когда собираются на девичник женщины, им никто больше не нужен. Мужики из своих посиделок всегда устраивают бардак.

– Ну, ты уж слишком. У нас народ порядочный, да и что ты будешь одна торчать дома в выходные дни? Дед и тот слинял куда-то. Напугали мы его своими страстями. Ты не эксбиционистка у меня случайно?

– Эксбиционист, это подглядывающий, а потом, почему я должна комплексовать оттого что кто-то есть за стеной? Я своих эмоций не стесняюсь.

– Да что ты! Я шучу, – тотчас сдал позиции Андрей. – Интересно, куда он мог потеряться…

– Да тебе то что…Наверное, на даче. У него где-то участок. Пишет что-то. На лоне природы, наверное, легче думается.

– Выжили мы его, – вглядываясь в номер приближающегося трамвая, пробормотал Андрей. – Ну, ничего, осталось

недолго.

– Как это недолго? – насторожилась Ксения.

– Ну, думаю, с месяц. А ты, как будто бы не рада. То страдала, что долго ждать отъезда…

– Во – первых, я вовсе не страдала, а потом уже привыкла к нашей берлоге, – немного нервно хихикнула Ксюша.

– Это еще не наша берлога, – уточнил Андрей, подталкивая Ксению к трамваю.

Та промолчала.

Корнилыч не объявился дома и в этот день. Утром, умывшись и приготовив завтрак Ксюша заявила Андрею, что поедет все же с ним на пикник, или как у них там…

– Ну, может быть это не совсем пикник…. Там несколько домиков. В одном сауна, в другом обеденный зал, в третьем бильярдная… Вокруг природа. Речка рядом.

– Ты что, уже бывал там?

– Один раз, прошлым летом. На младших курсах нас туда не приглашали.

Отправились в путешествие на автобусе. По шоссе доехали до какого-то перекрестка с примыкающей слева узкой асфальтированной дороги. Никакого указателя, никаких ориентиров. Водитель остановил машину по требованию. Шли по лесу только вдвоем. Попутчиков не оказалось. Видимо приехали позже всех. Или раньше.

Картинка, которую увидела Ксения на лесной поляне, была недалека от той, что она себе представляла – бревенча-

тые, ладно скроенные строения на некотором расстоянии друг от друга составляли небольшой городок. Трава вытоптана не основательно и местами еще ярко зеленела пушистыми ковриками. Домик, где была оборудована сауна, оказался на самом берегу небольшой речки или ручья. Вокруг густой лес… Немного портили экзотику автомобили припаркованные между строениями, ближе к краю поляны. Ксения давно не была на природе, но на этот раз она ее почему-то не радовала.

Ее предположения по поводу женщин оказались верными. Здесь никто не был обременен своими самоварами. Парни явно прихватили дам общего пользования. С некоторыми еще только знакомились. Возглавлял бригаду тот самый рябоватый мужик старшего чина с крупными звездочками на погонах, что опекал курсантов на вечеринке. В милиции, как было известно Ксении, это майор. Андрей вроде называл его капитаном. Вся мужская составляющая в форменных одеждах, словно здесь предстояло провести какие-то учения или, скорее, парад – все начищенные наглаженные, такие же как на свадебной вечеринке. Некоторых из них, включая командующего, Андрей представил Ксении, шепотом подсказав, кого она уже видела. Ксения и тогда то с трудом отличала одного от другого не стала напрягаться и на этот раз. Разве что сам командир запомнился – выделялся солидным, в сравнении с остальной публикой, возрастом, своеобразным лицом и повадками хозяина положения. «Музыка» явно бы-

ла заказана им.

Еще тогда, на свадебной вечеринке, по его пристальному взгляду Ксюша поняла, что он готов трахнуть ее где угодно – на кухне, в ванной, в туалете или прямо в банкетном зале. Ксюшу это не удивляло ни тогда, ни сейчас. При всей самокритичности она не видела среди «обозных» дам никого привлекательнее чем она. Капитан остался верен себе и, несмотря на организационные заботы, умудрился отпустить ей пару комплиментов. Мужик оказался здравомыслящим – не получив никаких гарантий с ее стороны, на время оставил в покое, но Ксюша чувствовала, что этот массовик-затейник вряд ли смирится с ролью созерцателя. Долгие проницательные взгляды выдавали в нем целеустремленную личность. Ксения не любила и побаивалась таких.

Девиц решили использовать с максимальной отдачей и запрягли сервировать длинный банкетный стол, к чему они приступили без промедления и охотно. Ксюша предпочла оставаться в стороне. Ее не тревожили – это наводило на мысль, что она здесь по недоразумению.

Разговор за столом был специфичным – сплошь из непонятных Ксюше терминов и жаргонных словечек, и она быстро почувствовала смертельную тоску. Андрей активно поддерживал споры, разговоры, обсуждения и не интересовался самочувствием жены. Девицы, как ни странно, неплохо ориентировались в полуморском-полублатном лексиконе и даже умудрялись вставлять свои реплики.

Выпив пару рюмок коньяка, откушав различных деликатесов и попрыгав в компании со всеми под грохот магнитофона, Ксюша поняла, что пора сниматься с якоря – командующий судя по горящим глазам явно созрел и его настойчивые взгляды не оставляли сомнений к кому он намерен пришвартоваться. Толкнув локтем Андрея в бок, Ксения попросила проводить ее на крыльцо. Там она заявила, что плохо себя чувствует – разболелась голова – и что она хочет уехать, и потом, если он не безнадежно глуп, должен понимать, что вечеринка добром не кончится. Андрей не стал ее переубеждать , видимо сообразив, что это лучший выход,но… Андрей явно замялся.

– Да, конечно, ты оставайся. Может, последний раз собрались в этой компании…Не белая же ты у меня ворона, – усмехнулась она, скользнув взглядом по черному мундиру.

Андрей оживился.

– Подожди. Сейчас вызовем такси. У Сереги мобильник с собой…

Он скрылся за дверью и через минуту появился с себе подобным, только чуть ниже ростом и покоренастее, который откуда-то из-под кителя извлек телефонную трубку.

– Это папани, – подтвердил парень усмешку Ксении. – Дал поиграть.

Вызов на удивление приняли быстро, и не успел Серега рассказать и десятка анекдотов, как из-за ближайших елей выкатила потрепанная иномарка.

– Ладно, передайте привет вашему затейнику, – воодушевилась Ксюша.

Андрей сначала поморщился с недоумением, потом сообразил.

– Да что ты, Василий Васильевич, да он нормальный мужик!

– Не сомневаюсь! – охотно согласилась Ксения, махнула парням рукой и подошла к автомобилю.

– Доедем? – открыв дверь, с сомнением спросила Ксюша водителя – мужика с озабоченным лицом.

– Обижаешь. Только что с техобслуживания. У нас мерсы клепают в лучшем виде. Вне зависимости от возраста.

– Чьего?

– Ну, телеги, разумеется, – хмыкнул шофер.

– Ну, ты же понимаешь, – извиняющимся тоном пробормотал Андрей, помогая

Ксюше сесть в машину.

– Я понимаю, – кивнула она. – Я, может быть, заеду к Жене, так что особенно не торопись, но к понедельнику желательно явиться… Думаю, что буду дома. Презерватив у тебя в кармашке.

– Да я завтра же, – крикнул Андрей сквозь уже захлопнувшуюся дверь, то ли не расслышав последнюю фразу, то ли приняв ее за шутку. А может быть и за нормальное положение вещей.

Машина довольно быстро преодолела расстояние, кото-

рое Ксения с Андреем отмеряли более получаса, выкатила на шоссе и водитель собрался, было повернуть к городу, как заказчица остановила его.

– В другую сторону. К Лисьему носу.

– Это по отдельному тарифу, – протянул шофер.

– По отдельному тебе заплатили в долларах, – отрезала Ксения. – К тому же здесь ближе, чем до города.

– И надбавки не будет? – то ли в шутку, то ли по наглости спросил предприниматель.

– Нет, не будет. Здесь недалеко и свободен…

На ветровом стекле неожиданно появились бисеринки воды, количество их быстро нарастало, потом вдруг хлестанул настоящий дождь. «Некстати» – подумала Ксюша, но тут же спохватилась «А может быть то, что нужно».

Автомобиль тарахтел, словно отечественный драндулет времен второй мировой, но катил шустро.

– Что у тебя там тарахтит? – спросила Ксения.

– А это дизели так стучат.

– И что, это нормально?

– Нормально. Он еще лет пять протарахтит. Только подвеска замучила, а так вроде ничего.

Ксения молча уставилась на несущееся под колеса, ставшее ярко черным и блестящим полотно дороги.

– А ты что, хочешь купить машину? – неизвестно из чего сделал вывод водило.

Ксюша с удивлением посмотрела на него.

– Да спрашиваю от нечего делать. У тебя же даже музыки нет.

– Испортилась. А то, если что, могу, по очень низкой, ну скажем, за две тонны.

– Чего? – не поняла Ксюша.

– Ну, баксов…. Ты что, из деревни?

– В деревнях уже и старухи долларами отмеряют. Просто не люблю никаких сделок и торгов…

Мужик вздохнул.

– Так сегодня другой и темы то ни у кого нет.

– Зачем же продаешь, если только что утверждал что машина хоть куда?

Водило засмеялся, но решил подстраховаться:

– Точно не покупаешь?… Да гавно это, а не машина. Я на своем москвичонке где хочешь пролезал, вездеход. И за грибами и за ягодами, на рыбалку… На Черное море дважды мотался… А это что… Не наша это телега…

Ксения впервые была в дачном кооперативе и ориентировалась только по адресу, который Коклюшкина случайно озвучила, когда архивариус не явился к назначенному времени и та принялась паниковать.

Автомобиль, проскочив переезд, свернул на дорогу, от которой влево и вправо уходили ряды построек. На скорости они все казались похожими друг на друга. Ксения предупредила водителя чтобы ехал медленнее. Когда она увидела с центрального проезда за зеленой трансформаторной будкой

табличку с нужным названием улицы попросила шофера ее выпустить.

Прежний хозяин, вероятно, предназначал свою дачку для земледелия, потому что единственное строение сооруженное в дальнем углу участка было малым по площади, хотя и высоким, напоминающим шалаш. Вся остальная земля отведена под деревья и кустарники, а многообразием и пестротой растительностью больше напоминал альпийский луг. Лишь рядом с домиком, красовалась небольшая клумба с вихрастыми белыми астрами. Относительно ухоженными выглядели только яблони и то благодаря покраске. По периметру, где должна быть ограда, высокая буйная поросль надежно изолировала участок и превращала его в уютный островок, мало доступный постороннему глазу. Это было и не рабочее поле и не база отдыха, просто клочок земли с ярко выраженной тенденцией к одичанию. Все в тему.

Найти в буйных зарослях кустарника проход оказалось невозможно, и Ксения пошла напролом. Дождь только прекратился, и она вылезла из кустов мокрой, как мышь из сточной канавы. Это вполне вписывалось в ее намерения и она, поежившись, быстрым шагом направилась к входной двери домика. Правда, от мысли, что дверь окажется запертой и в доме никого нет Ксюшу пробрал озноб, но сквозь оконце она заметила желтоватый свет, хотя на улице было еще светло – над верхушками деревьев даже появились закатные солнечные лучи. Она потянула дверь и остановилась в про-

еме, отыскивая взглядом хозяина. Архивариус сидел лицом к входу за столом, заваленным макулатурой, и смотрел на гостью, как на необъяснимое явление. На нее пахнуло теплом – в противоположном от Корнилыча углу горел допотопный камин, от которого пожалуй света было больше чем от лампады. Ксения, не ожидая, когда хозяин определится в ситуации, вошла и закрыла за собой дверь.

– Шампанского, конечно, у вас нет, но стакан горячего чаю может быть найдется? Я попала под дождь, вся промокла, а зонтик не взяла.

Ксения помотала головой, и капли воды дождем разлетелись в разные стороны. Потом она вытерла ладонями мокрое лицо и подошла ближе.

– Вас все потеряли и я тоже. Думали уже подать в розыск. Почему вы занимаетесь этим здесь, а не дома? Кстати, если не секрет – чем вы занимаетесь вообще? –, не дожидаясь ответа она провела мокрым пальчиком по желтым страницам рукописей. – Конечно, история это интересно, но, почему здесь?

Архивариус скользнул взглядом по ее тонким пальцам, по нежной коже рук до локтевого сгиба и тотчас же вернулся на замшелые страницы. Глупая девчонка.

Ксения, не дождавшись ответа, вздохнула.

– Вы просто чудовище, заставляете беспокоиться, вас не заботит вас даже то, что я вся промокла и могу простыть!

Архивариус мельком взглянул на ее еще не просохшее

лицо, пряди обвисших волос, потемневшую тонкую кофту, молча вылез из-за стола, поставил ближе к огню плетеное кресло необъяснимого цвета и, так же молча, кивнул ей на него. Затем взял замызганной рукавицей закопченный чайник, повесил его над горящими поленьями на крюк и, отойдя к полке, стал разыскивать чашки.

– Есть у вас здесь хоть что-нибудь напоминающее одежду. Надо же мне переодеться, хотя у вас и тепло, – услышал он ее голос.

Архивариус повернулся, чтобы показать ей на лестницу ведущую в спаленку и онемел. Ксения стояла на нижней ступени лестницы босиком, стаскивая с головы последний фрагмент одежды – кофту, чтобы развесить ее на перилах. Молодое, стройное тело, освещалось красноватыми всполохами каминного огня. Он уже совсем непроизвольно соскользнул взглядом по ее мокрым, кажущимся черными, волосам, по четкому контуру ее груди, бедрам, к лодыжкам и, не поднимая более глаз, отвернулся.

– Ну, и как? – спросила Ксения, хотя все это время стояла к архивариусу боком и головы не поворачивала.

Он с минуту молчал, освобождая на столе место для чашек, потом глухим голосом объяснил, что там, на постели, в спальне, что наверху, лежит халат – старенький, но чистый, он его недавно стирал. Если окажется большим можно закатать рукава.

Он слышал, как она прошлепала голыми пятками по сту-

пеням. Возилась недолго. Минуту спустя снова скрипнула лестница. Шаги, на этот раз, были медленными. Архивариус невольно повернул голову. Конечно, эта дрянная девчонка застегнула только верхние пуговицы длинного халата и шагала нарочито медленно, выставляя напоказ стройные, крепкие ноги. Шелковистая кожа на бедрах, в свете полыхающих дров, казалась с медным отливом.

– Одежду повесь на спинку стула, перед огнем, да не сожги, – буркнул он, снова уткнувшись носом в бумаги.

– Да уж соображу как-нибудь. Кстати, времени то много?

Архивариус взглянул на старенький будильник на дальнем углу стола.

– Скоро десять.

– Одежда высохнуть не успеет. Придется спать здесь, у вас. Автобусы уже не ходят.

Аргумент был явно липовый, но Корнилыч промолчал. Он уставился в страницу рукописи, попытался вернуться мыслями к той позиции, на которой его оборвала бродяжка, но никак не мог понять их смысла. Потом все-таки поднял голову и буркнул:

– У меня много работы. Можешь устраиваться наверху, я, если что, прилягу здесь,– он попытался вновь углубиться в изучение бумаг, но почувствовал ее приближение, ее дыхание, ее едва ощутимое прикосновение к своей взлохмаченной давно нечесаной шевелюре.

– Здесь вам, вероятно, будет холодно. Тепло дольше со-

храняется в верхних помещениях, по законам физики. Вы ведь когда-то учились в школе? Или в прошлом веке такой дисциплины не было? – прошелестел ее голос.

Архивариус оторвался от бумаг и посмотрел куда-то мимо Ксении.

– Попей чаю и ложись, мне нужно работать.

– Не хочу я вашего чаю, – оборвала Ксения.

– Надень тапки, простынешь, – не оборачиваясь, добавил Корнилыч.

– И пусть, – буркнула Ксения.

Архивариус пожал плечами и принялся что-то яростно писать в своих бумагах. Он слышал, как девчонка бродила по комнате, как подбросила дров в камин, как, наконец-то, поднялась наверх, как скрипнула старая тахта. Бедолага очертя голову ринулся в поток цифр, сведений, доносов, протоколов, но присутствие постороннего человека отвлекало. Каждый шорох, вздох, стук сбивали его с толку, и смысл прочитанного ускользал, и приходилось начинать все сначала. Процесс напоминал сизифов труд.

Внезапный крик Ксении заставил его подскочить на стуле и тотчас почуял запах дыма. Он не успел поднять глаза к камину, как сверху молнией слетела Ксения в распахнутом халате. Было не до условностей, на спинке стула дымилась ее джинсовая юбка. Она схватила свое одеяние и стала размахивать им.. К счастью до тления не дошло, и ткань с одной стороны юбки лишь потемнела. Правда, заметно.

– Вы улыбаетесь? – взвилась она в адрес архивариуса, лицо которого даже и не дрогнуло. –Как я теперь буду ее носить? И как объясню дома, почему юбка опалена, как будто меня черти жарили сзади?

Архивариус на этот раз усмехнулся и пожал плечами.

– И еще надо объяснять, почему вы ночевали не дома и с другим мужчиной.

Ксения на минуту забыла о своем несчастье и уронила юбку.

– С мужчиной?! Это где здесь мужчина? – она демонстративно заглянула под стол.

Кое-как успокоившись, Ксения оттащила стул в сторону, снова развесила на нем одежду и уселась на ступени лестницы, небрежно прикрыв колени полами халата, которые постоянно сползали, открывая все ее прелести. Скоро Ксении надоело их поправлять. Наверх она не пошла.

– Там дымно, пусть немного рассеется, – пояснила она на всякий случай.

– Можно открыть форточку, – проворчал архивариус, со вздохом усаживаясь за стол.

– Будет холодно, – быстро возразила Ксюша.

Хозяин ничего не ответил, сердито швыряя бумаги. Видимо, не суждено ему в этот вечер закончить работу.

– Вы спать сегодня вообще-то собираетесь? Времени-то уже третий час, – заметила Ксения.

– Много работы, – уперся архивариус, сгибаясь еще ниже

над столом.

Ксения осмотрела комнату. Лестница, на которой расположилась Ксюша, широкая, с резными перилами.. За спиной архивариуса – заваленный бумагами диван. На полке, на полу всюду книги. Большинство с потрепанными засаленными переплетами. Комната небольшая. Правда спальня, где пыталась устроиться Ксюша еще меньше. Там лишь одна, хоть и широкая кровать, журнальный столик с каким-то допотопным проигрывателем без пластинок.

Утомившись от созерцания, Ксюша еще раз взглянула на окаменевшего архивариуса, вздохнула и потащилась к себе наверх. Обнаружив, что опасность миновала, хозяин поправил фитиль лампы и углубился в прерванный рабочий процесс.

Выпрямился он лишь, когда чернота оконных стекол разбавилась до синевы, поднялся, подбросил дров в погасший камин, разжег его и повесил на крюк чайник с водой, стараясь не шуметь и ходить осторожнее. Приткнувшись за столом, закрыл глаза. Ненадолго. Скорее интуитивно он почувствовал ее присутствие. Поднял голову. Она медленно спускалась вниз, на этот раз в застегнутом на все пуговицы халате, из-под которого едва лишь выглядывали ступни.

– Наливайте и мне, – устало предупредила Ксения, усевшись на предпоследнюю ступень. – Не спится у вас. Новое место…И вина у вас нет. Оно, бывает как снотворное.

Архивариус пробормотал, сам толком не зная что.

Ксения смотрела на него, подперев рукой подбородок. Просохшие и посветлевшие до каштанового цвета волосы ее рассыпались волнами по плечам.

– Вы даже не прилегли.

Архивариус взглянул на нее воспаленными опухшими глазами и ничего не ответил.

– У вас такие глаза, словно всю ночь проплакали.

Хозяин хмыкнул и снова принялся молча выставлять с подвесной полки чашки для чая.

– Еще не поздно. Поспал бы. Четырех еще нет, – предложила Ксюша.

Архивариус снял с огня зашумевший и выбросивший струю пара чайник.

– Много работы, – наконец снова буркнул он.

Ксения резко поднялась и подошла к нему вплотную. Он почувствовал боком ее упругое тело.

– У вас какие-то комплексы или изображаете из себя отца Сергия, – прозвучал насмешливо ее голос.

Архивариус всыпал горсть заварки в эмалированную кружку, залил кипятком, размешал чай деревянной ложкой и, лишь затем поднял голову.

– Отца Сергия обуревали страсти, мне же, слава богу, они не угрожают. – Он говорил медленно и спокойно, как будто со скрипом. Ксения фыркнула и выпятила почти обнажившуюся грудь. Архивариус невольно скользнул взглядом по ее шее, ложбинке между крутыми склонами и пожал плечами.

– И…ничего? – поинтересовалась Ксюша.

– Ничего, – с трудом разжав онемевшие губы, заключил архивариус.

Ксения недоверчиво хихикнула.

– Нормально… Ну наливайте хоть чаю.

Она поплотнее запахнула халат и ухнулась в старое плетеное кресло, которое отчаянно скрипнуло.

– Тут, как я вижу, одна рухлядь, – отметила она. – Везде.

Архивариус сосредоточенно размешивал сахар… Пили молча. Так же молча, Ксения поднялась с кресла и ушла к себе наверх.

Корнилыч снова остался один. Со второго этажа доносились, то легкий вздох, то поскрипывание кровати… Он снова попытался вернуться к работе, но смысл текста теперь уже совершенно не воспринимался. Тогда он поднялся, отыскал под лестницей топор и вышел наружу.

Уже было достаточно светло, чтобы различать предметы. Корнилыч зашел за домик в дровяник, взял пару чурбанов, вынес их на площадку, потом осмотрел топор, присмотрелся, не затуплено ли лезвие, потрогал пальцем. Острое… По очереди устанавливая чурбаны на пень, раскроил их размеренными ударами на поленья. Собрал дрова в охапку и, стараясь не слишком шуметь, внес их в домик, сложил у камина, после чего аккуратно поставил топор под лестницу, запер дверь и вновь уселся за стол.

Проснулся он от шума, происхождения которого сразу не

мог понять. Комнатка была заполнена солнечным светом, несмотря на то, что оконце было незначительных размеров. Ксения стояла перед ним уже одетая.

– Ну что, святой отец, – ехидно спросила гостья, – целы ли ваши пальцы?

Архивариус, еще не придя в себя со сна, не сразу уловил иронию. Ксения рассмеялась. Наконец он понял издевку и хмуро спросил, не поставить ли чайник.

– Повесьте его себе на то самое место, да привяжите, как следует, а то упадет, – хохотнула Ксения и, выйдя, хлопнула дверью.

Он долго сидел неподвижно, упорно наблюдая за перемещением луча солнца по боковине лестницы, как дверь снова распахнулась. Опять Ксения.

– Я вернулась, чтобы извиниться. Я сама не понимаю что вытворяю, но исправлюсь, я обещаю. Только вернитесь…

Она шмыгнула носом и снова исчезла. Архивариус сжал пальцы, в которой была пишущая ручка, и отшвырнул ее обломки в угол комнаты.

Автобус, на котором Ксюша отправилась в Питер, шел по тому же маршруту, который она вчера преодолела на задрипанном Мерседесе. Завидев знакомый перелесок, попросила водителя выпустить ее. Тот остановился не сразу, и Ксении пришлось возвращаться обратно, к перекрестку с дорогой ведущей на базу отдыха. С минуту она постояла в разду-

мье, но никуда не пошла , а устроилась на пеньке у обочины.

Подобрало Ксению маршрутное такси – микроавтобус предпринимателя. За ту же плату что и рейсовый. Она уселась на заднее сидение в угол и прикрыла глаза. Казалось только на секунду, как беспощадный голос водителя объявил – «Приехали!».

Андрей, явился только под вечер, и завалился спать – видимо переутомился на банкете, а может и еще где… Почти трезвый. Как развивались события у них в сауне, не рассказывал, да

Ксению это не больно-то интересовало. Из его бормотаний она поняла лишь, что его подвезли на машине.

Дверной звонок Ксения услышала сразу, несмотря на то, что он был очень коротким и негромким. Сразу вскочила, опасаясь, что Андрей проснется, накинула халат и босиком скользнула в прихожую. Не спрашивая, кто за дверью, торопливо сняла предохранитель, оттянула скобу и толкнула дверь. В проеме стоял Корнилыч с большой связкой бумаг в руке. Ксюша почувствовала, как губы ее расползаются в улыбке. Он смотрел пару секунд в пол, потом поднял глаза. Это были живые глаза живого человека. Смотрели они немного растерянно, немного устало и немного… Ксении даже не поверилось. Те самые искорки, промелькнувшие в тот день, в архиве, светились в глазах яркими, крупными звездочками. Но это снова длилось недолго он вновь уронил

взгляд, перевел в сторону, промычал что-то про замок. Затем боком проскользнул мимо нее в прихожую.

– Не хотите чаю? Я вам согрею, – в отчаянии попыталась остановить его Ксюша…

Архивариус заторопился, сунул ключ в скважину и рванул дверь. Но все же покачал головой. Хоть и отрицательно.

Архивариус выходил на работу теперь следом за квартирантом. Он дожидался, когда за Андреем захлопнется входная дверь и, почти следом покидал свое лежбище, словно чего-то опасался, хотя Ксюша не допускала больше никаких провокаций и не высовывалась из своей комнаты пока не убеждалась что в квартире одна. Даже в архиве Ксюша не смотрела в его сторону, работала тихо, словно мышка, не задерживалась больше у стола, и не задавала никаких вопросов, Теперь и к нему она приходила в синем длиннополом халате застегнутым до подбородка, и на все пуговицы, но ни ее примерное поведение ни даже ее одеяние уже не могли обмануть архивариуса, потому что при движениях тела этот бесформенный мешок, вырисовывал то крутую ягодицу, то западал на талии и он еще слишком хорошо помнил, как все это выглядит наяву…Хотя за перегородкой по ночам прекратился грохот кровати но теперь и малейший шорох за ковром выводил его из равновесия, , как будто несносная шантажистка могла, вдруг, шагнуть с ковра прямо к нему в постель.

Музыка, однако, играла недолго. В один из дней Миха-

ил замешкался, собирая бумаги, и заметил в окно, что Андрей уже вышел из дому. Корнилыч стал поспешно совать папки в объемистый портфель, но они не помещались, как назло куда-то затерялся один ботинок и, когда он его обнаружил, время для бегства было упущено. Потому, открывая дверь своей комнаты, он насторожился. И не напрасно. Из душевой явственно доносился шум воды. Приоткрыв немного дверь, осмотрелся. В кабине было темно и кто там плещется разглядеть было невозможно, но женский халат брошенный на спинку стула не оставлял сомнений в реальности грозящей опасности. Корнилыч, как можно тише, выскользнул в прихожую, и уже прикрыл свою дверь, как в углу вдруг что-то ярко вспыхнуло и осветило помещение. Он обернулся – прямо перед ним, в кубическом световом пространстве, обнаженная женская фигура изгибалась под дождевой сеткой. Глаза Корнилыча забегали по сторонам, но затем, словно гвоздики под действием магнита, вновь сфокусировались на видении. Взгляд скользнул по рукам, плечам, груди, по ноге, изогнутой в колене, вырисовывающимся бедрам, ягодицам… Изображение хоть и было слегка размытым, но от этого, вопреки логике, почти физически осязаемым… Руки Корнилыча затряслись, папки, которые он держал, выскользнули и шумно упали на пол, бумаги разлетелись по прихожей. Он бессознательно подхватил те, что ему подвернулись, и выскочил в подъезд, чувствуя, что еще мгновение, и его парализует. Вытолкнуть себя из подъезда ему уже потребо-

валось усилие.

Ксения слышала, как тихо хлопнула дверь комнаты Корнилыча, как что-то шумно упало, потом все затихло, на несколько секунд, и снова шум, торопливые шаги, словно за кем-то погнались собаки. Затем сильный хлопок входной двери… Ксюша выключила воду, отодвинула штору, увидела разлетевшиеся по полу бумаги и невольно захлопала в ладоши. Она его достала!

Перед уходом Ксения собрала потерянные документы архивариуса, полистала их, пытаясь вникнуть в их суть, но это оказалось слишком сложным для среднего ума. Да и не до того было. Пришло время ковать железо, она это понимала и чувствовала, и нельзя было допустить, чтобы оно остыло. Ксюша догадывалась, что для таких партнеров как Корнилыч, процесс этот может быть уже необратимым. «Или сегодня или никогда…» Она сложила документы в аккуратную стопку и перевязала бечевкой, которую нашла тут же, на полу, подсушила волосы феном и быстренько переоделась.

Войдя в архив, Ксения попыталась заглянуть в лицо беглеца, но он опустил голову низко, хотя перед ним на этот раз не лежало никаких бумаг. Ксюша положила на край стола его папки. Архивариус шевельнулся, но продолжал сидеть, словно парализованный.

– Я собрала все, но не знаю, как их рассортировать…

Голова Корнилыча шевельнулась и он, наконец, поднял на нее глаза. Угол, где стоял стол, не очень хорошо освещался

и Ксюша не поняла, то ли слезы блестели в его глазах, то ли безумие заставляло их так светиться. Она неуверенно улыбнулась ему и почти шепотом пообещала:

– Я сейчас приду. Только переоденусь. Я же еще, как будто, на службе…

Он провожал ее беспомощным взглядом. Когда хлопнула дверь он закрыл глаза, но изображение никуда не пропало. Корнилыч решил, что вероятно это последние кадры из фильма его жизни.

Когда в коридоре звякнула дужка ведра, и в проеме двери вновь появилась Ксения в своем убийственном халатике, он поднялся, стал перебирать бумаги, не глядя в них, затем снова опустился на стул.

– Можно убирать? – с каверзной улыбкой спросила Ксения.

Не дождавшись ответа, она втащила ведро с водой, обмакнула в него швабру, обмотанную мешковиной, и звучно плюхнула ее на пол. Корнилыч снова принялся сосредоточенно рыться в ящиках стола. Ксения искоса наблюдала за ним. И без того не слишком привлекательное лицо несчастного мужика покрылось красными пятнами. Похоже, что он порывался что-то сказать, но раздавалось лишь нечленораздельное мычание. Более красноречивого подтверждения тому, что незыблемые еще вчера позиции окончательно сданы трудно было вообразить. Неожиданно архивариус вскочил, стремительно направился к двери, затем, резко сменив курс,

вплотную приткнулся к Ксении. Та, растерявшись, невольно сжала палку швабры и напряглась (ей показалось, что он собирается выбросить ее в окно), однако с удивлением обнаружила на его лице не угрозу, а выражение насмерть перепуганного человека. Кое-как, трясущимися губами Корнилыч промямлил что-то о каком-то подарке, который все равно не нужен и, чтобы не выбрасывать… Он сунул ей что-то в карман и продолжал стоять с опущенными глазами. Ксюша вдруг заволновалась и почувствовала, что у нее самой начинает темнеть в глазах. Она подошла к двери, вставила ключ в замочную скважину, помедлила секунду и повернула его. Не глядя на архивариуса, который продолжал торчать пнем на прежнем месте, зашла за стеллаж. Окаменевший Корнилыч невольно скользнул взглядом, сквозь просветы между бумагами, и увидел, как она остановилась, расстегнула нижние пуговицы халата, распахнула полы.

Блеснувшие белые бедра и округлые ягодицы ослепили его. Бедняга чувствовал себя совершенно беззащитным перед безжалостной хищницей.

Когда она приблизилась, он дернулся, словно намереваясь оттолкнуться, но коснулся пальцами ее обнаженной груди, весь затрясся и, скользнув руками по ее бокам, талии, бедрам, упал на колени и уткнулся лицом в разъехавшиеся полы халата. Неуправляемые руки обхватили тугие ягодицы и Ксении показалось, что он сейчас оторвет ее от пола и, прикоснувшись к его плечам, шепотом велела подняться. Тот

подчинился, с трудом ослабив объятия, и медленно встал, скользя ладонями по шелковистой коже ее тела, ощущая ими каждый изгиб. Халат, застегнутый на верхние пуговицы, собрался на груди, и Ксения расстегнула их. Она не смотрела в лицо архивариуса, но улавливала дрожь его тела, которая передалась и ей и Ксения, непроизвольно всхлипнув, срывающимся шепотом попросила, чтобы он положил ее на пол. Тот, видимо ничего не понимал или не слышал, и Ксения сама потянула его вниз к незабываемым ложбинам и склонам где остались невскрытыми груды самородков но где-то что-то грохнуло, (наверное, пьяные плотники этажом ниже уронили доску) и Ксения внезапно и грубо вернувшись в реальность почувствовала, что лежит на залитом водой полу. Она, вскочила, увидела растерянного архивариуса в измятых и мокрых брюках, перевела взгляд на свой халат с темными разводами намокшей ткани. Времени вникать в то что произошло, и произошло что либо вообще, не было и Ксюша мобилизовала всю свою дееспособность.

– Быстро садись за стол и никуда не высовывайся. Я переоденусь у себя и принесу тебе из дома одежду.

Ксения подняла опрокинутое ведро, затолкала Корнилыча за стол, подняла упавшую швабру, но не успела повернуть ключ, как кто-то дернул дверь. Она замерла, посмотрела на побледневшего архивариуса и прижала палец к губам. Дверь снова дернулась, за ней послышалось какое-то бормотание, затем удаляющиеся шаги. Ксения, выждав пару секунд, осто-

рожно повернула ключ и, распахнув дверь, высунулась в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.